

ДРАМА БЕЗ РАЗВЯЗКИ,

игранная в домашнем театре М. А. Б-ой

ЛИЦА:

Михаил Петрович Зиновьев, заседатель уездного суда; 42 лет. Судья и секретарь не дают участия во взятках; что ж ты будешь делать? — Словом, честный человек. И добрый отец, тоже.
Елена Михайловна, его дочь; 18 лет. Держит себя без кривлянья.
Леонид Александрович Хоненев, вельможа на целые две губернии; 35 лет. Важен. Умеет быть и мил.
Максим Кириллович Горбылев, писец уездного суда; 21 год. Идиот с ангельским сердцем и волчьим желудком.
Илиодор Николаевич Свиридов, человек порядочного общества; 24 лет. Держит себя смирно.
Семен Клементьевич Парадизов, бывший сослуживец Зиновьева; 53 лет. Страдалец за правду, с незапамятных времен выгнанный из службы, как выжига, нестерпимый никакому начальству, ни добрейшему, ни подлейшему.
Сергей Васильевич Короваев.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Гостиная Зиновьевых — сделанная 20 лет тому назад по новой моде, таким образом, что она же и зал. То есть по середине длины две тощие деревянные колонны. Дверь прямо, из передней; дверь направо — во внутренние комнаты; дверь налево — в кабинет Зиновьева.

ЯВЛЕНИЕ 1

Зиновьев сидит и курит трубку; Елена Михайловна входит снимая шляпу.

Зиновьев. Леночка! *(протягивает руки, обнять)*.

Елена Михайловна. Погодите, папаша! *(Идет к окну, смотрит в него издали и закрываясь шляпкою.)* Так! Он

ехал за мною! *(Торопливо уходя направо.)* Папаша, если он спросит, кто я, скажите: «гостья»; — где я? — скажите: «ушла». *(Договаривает это уже из-за двери.)*

Зиновьев *(вставая итти за нею)*. Что ж это она... *(видит входящего Хоненев; останавливается и кланяется)*.

ЯВЛЕНИЕ 2

Зиновьев, Хоненев.

Хоненев — Ба! Кого вижу! Лицо что-то знакомое.

Зиновьев *(снова кланяясь)*. Точно так, Леонид Александрыч: имел честь являться к вам. Михаил Петров сын, Зиновьев, заседатель здешнего уездного суда, вашею милостью. Покорнейше прошу.

Хоненев. А! Точно, помню *(садится)*. А вы здесь, как я вижу, хозяин.

Зиновьев. Точно так, Леонид Александрыч: домишко мой собственный.

Хоненев. Прекрасно. Очень достаточный дом. А кто эта девушка, сейчас вошла сюда? Значит ваша дочь? Да что же вы сам-то не садитесь?

Зиновьев *(садится)*. Так точно, Леонид Александрыч: моя дочь.

Хоненев. Очень милое лицо, очень милое. Можно сказать, красавица.

Зиновьев *(кланяется, прикладывая руку к сердцу)*.

Хоненев. Я очень заинтересовался. Прошу вас познакомиться меня с нею.

Зиновьев *(подбегает к двери направо)*. Леночка! Иди сюда! Леонид Александрыч желают с тобою познакомиться! — А, Леночка! слышишь? *(отворяет дверь, просовывается.)* А, Леночка! Слышишь? *(Успокаивается, идет назад.)* Идет, Леонид Александрыч.

Хоненев. Леночка, говорите вы; Елена, — по отчеству....

Зиновьев. Михайловна, Леонид Александрыч.

Хоненев. Да, так. Вас зовут Михаил. Помню. *(Встает, идет навстречу Елене Михайловне.)*

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же, Елена Михайловна.

Хоненев *(подходя к входящей)*. Честь имею рекомендоваться, Елена Михайловна: здешний помещик Хоненев.

Елена Михайловна *(протягивая руку)*. Вас знают здесь все *(салятся)*.

Хоненев. Маленький городок; общества нет; я думаю, довольно скучная жизнь, Елена Михайловна?

Елена Михайловна. Я привыкла.

Хоненев. Но все-таки, это должно быть скучно. Есть ли, по крайней мере, какие-нибудь развлечения? Ездите в гости, по соседству? Есть знакомые помещицы семейства?

Елена Михайловна. Есть.

Хоненев. Я просил бы вас (к *Зиновьеву*) навестить меня, Михайло Ммм-ыч (*мычит, не помня отчества*) вместе с Еленой Михайловною. (*К ней.*) Я почел бы это за большую честь себе, и надеюсь, это было бы приятным развлечением для вас.

Зиновьев. Покорно благодарим Леонид Александрыч; с нашим величайшим удовольствием.

Хоненев (*попрежнему, к Елене Михайловне*). Могу похвалиться моим садом: великолепен. В оранжереях, всегда найдете, все, что хотите.

Зиновьев. С величайшим нашим удовольствием воспользуюсь вашим приглашением, Леонид Александрыч (*с беспокойством смотрит на дочь*).

Хоненев. Что касается моей картинной галлерей, я нахожу, что она бедна сравнительно с известнейшими в Европе. Но для провинциальной, недурна, и вам, ничего еще не видевшей, будет интересна.

Елена Михайловна. О, конечно. (*Отец успокаивается и просветляется. Она к нему.*) Папаша, вас там дожидаются какие-то просители. Кстати вы скажете, чтобы приготовили закуску. (*Зиновьев шевелится, не зная, как тут быть.*)

Хоненев. О, будьте так добр, Михайло Ммм-ыч. (*Зиновьев встает.*) Проголодался с дороги. Чувствительно благодарю вас, Елена Михайловна.

Елена Михайловна. Вы не взыщите, Леонид Александрыч: у нас не то, что у вас; чем бог послал.

Хоненев. На бивуаках не годится быть слишком разборчиву. Старый гусар.

Елена Михайловна (*говорит вслед уходящему отцу, пока он совсем скроется, так чтобы ей без перерыва обратиться к Хоненеву, когда отцу не будет слышно*). Папаша, там жарятся цыплята, — поторопите, присмотрите сам, как будут они дожариваться. (*Зиновьев между тем уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ 4

Елена Михайловна, Хоненев.

Елена Михайловна (*продолжая без перерыва, вдруг давая волю своему страданию; с усилием*). Я слышала, вы добрый и благородный человек, Леонид Александрыч.

Хоненев. Хоненевы никогда не делали ничего бесчестного. Что же касается доброты, в чем ваша просьба? За кого? За вашего батюшку? Или какого родственника?

Елена Михайловна. Вы добрый и благородный человек, Леонид Александрыч. Вы не будете преследовать бедную девушку. *(Надрывающимся голосом.)* У меня есть жених. Я люблю его.

Хоненев *(вскакивает)*. Этого я никак не ожидал! *(Ходит. Останавливается.)* Именно, этого я никак не ожидал! *(Ходит.)*

Елена Михайловна. Вы благородный человек, Леонид Александрыч.

Хоненев *(останавливается)*. Это правда.

Елена Михайловна. Будьте же великодушен! Забудьте обо мне!

Хоненев. Признаюсь вам, вы ставите меня в большое затруднение, потому я никак не ожидал. *(Ходит; останавливаясь говорит.)* Совершенно не знаю, как должен поступить, потому что никогда не бывало подобного случая *(ходит; окончательно останавливается)*, решительно не знаю, чем мне руководиться, и даже в каком смысле я должен понимать это. Может быть, даже в смысле обиды *(назидательно и снисходительно)* или, скорее в смысле вашей молодости, и можно сказать, неопытности, Елена Михайловна.

Елена Михайловна. Понимайте это, как доверие к вашему благородству, Леонид Александрыч.

Хоненев. Но это, действительно, не в смысле обиды. Однако же повторяю: я вижу себя в совершенном затруднении, по новости случая.

Елена Михайловна. Будьте великодушны! Забудьте меня! Вы найдете другую, лучше меня.

Хоненев *(садится раздумывая)*. С этой стороны, ваши слова совершенно верны. За этим, конечно, не будет остановки. *(Думает.)* Так. Найдется и другая, и третья.

Елена Михайловна. Идет отец. О, скажите же, что вы соглашаетесь на мою просьбу!

Хоненев. Отчасти, затрудняюсь; но извольте, с удовольствием.

Елена Михайловна. Благодарю вас, благородный человек. *(Жмет ему руку; между тем, входит отец.)*

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же, Зиновьев.

Хоненев *(ей, без внимания к Зиновьеву)*. Я Хоненев. Никто из Хоненевых не делал никогда ничего, кроме самого благородного,

Елена Михайловна. Папаша, а закуска?

Зиновьев. Сейчас подадут, Леночка. Знаешь, Мавра совсем захлопоталась (*садится*).

Елена Михайловна. Мавра ничего не умеет сделать. Я пойду сама (*уходит*).

ЯВЛЕНИЕ 6

Хоненев, Зиновьев.

Хоненев. Откровенно скажу вам: ваша дочь очень умная девушка. Умеет подействовать на самые благородные струны сердца. Одно скажу против нее: молода; потому не рассудительна.

Зиновьев. Это хороший порок в девушке, Леонид Александрыч, — молодость.

Хоненев. Совершенно согласен; тем не менее, скажу: не всегда. При всем том, повторяю: умела понять меня. Имеете в виду жениха?

Зиновьев. Есть в виду один. Впрочем, еще не знаю, поспевает ли. Таких разговоров не было. Да и не заметно, чтобы он особенно нравился ей, Леонид Александрыч.

Хоненев. Кто такой?

Зиновьев. Чиновник из Петербурга, Свиридов.

Хоненев. Хороший человек?

Зиновьев. Не знаю, как вам сказать, Леонид Александрыч.

Хоненев. Итак, ваша обязанность, как отца, рассмотреть, действительно ли хороший человек. Хороший — прекрасно. Не заслуживает, тогда можно подумать. Потому что, хотя она очень умная девушка, но я также прибавил; молода, потому нерассудительна.

ЯВЛЕНИЕ 7

Те же, Елена Михайловна.

Елена Михайловна (*входит, неся поднос с закускою*). Это еще не все; сейчас другой поднос, и тогда буду угощать вас (*ставит поднос, хочет уйти*).

Хоненев. Как, сама? Сама подаете, Елена Михайловна?

Елена Михайловна. Что ж такое? Сама (*уходит*).

Хоненев (*Зиновьеву*). Чрезвычайно хорошо понимает вещи.

Елена Михайловна (*входит с другим подносом; ставит; кладет на тарелку для Хоненева*). Цыплята зажарены прекрасно. Наши вина из здешних лавок; пробуйте или не пробуйте; не хочу рекомендовать. Но вот наливки я делала сама, и эта вишневка очень удалась мне (*наливает*).

Хоненев (отведывая). Превосходно! Нектар! (Пьет, как знаток.)

Елена Михайловна. Я очень рада, Леонид Александрыч; мне так хотелось, чтобы вы остались доволен! Папаша, угощайте доброго Леонида Александрыча! (Протягивает руку Хоненеву.)

Хоненев. Теперь вы совсем уходите, Елена Михайловна? Очень, очень благодарю за ваши хлопоты. (Елена Михайловна уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 8

Хоненев, Зиновьев.

Хоненев. Я чрезвычайно доволен вашею дочерью. Прекрасно понимает вещи, людей и все. Возьмите вы то: как бы то ни было, она дворянка, может быть, даже столбовая?

Зиновьев. Так точно, Леонид Александрыч: мы столбовые. Мой прадед был даже Чембарским воеводою.

Хоненев. Ваш прадед был Чембарским воеводою? Чего же вам еще! — Очень, очень достаточно! Вы столбовые! — И девушка из такой, можно сказать, порядочной фамилии, сама подает закуску, — сама! — по собственному понятию, — не по отцовскому приказанию, но по чувству собственного ума — что вы скажете на это?

Зиновьев. Точно так, Леонид Александрыч: не по отцовскому приказанию, а по чувству собственного ума.

Хоненев. Это очень нравится мне. — «Я столбовая дворянка, — думает она, — и мой прадед...»

Зиновьев (не без робости). Для нее он будет уже прапрадед, Леонид Александрыч. Это мне он прадед, а ей прапрадед.

Хоненев (милостиво). Так, согласен. Ей он действительно прапрадед. Когда ваш прадед, то ей прапрадед. Согласен, и продолжаю: — «Я столбовая дворянка, — думает она, — и мой прапрадед был Чембарский воевода, и у меня есть прислуга...»

Зиновьев. Кучер, и лакей, и казачок, и прачка, и горничная.

Хоненев. Кучер и прачка нейдут к этому рассуждению. И кухарка может не годиться. Но лакей, и казачок, и горничная — чего ж вам еще? Это довольно и предовольно. — «Я столбовая дворянка, — думает она, — и мой прапрадед был Чембарский воевода; и у меня есть довольно прислуги, чтобы подать закуску: лакей, и казачок, и горничная. Но он — Хоненев, и для меня не должно составлять никакой неприятности то удовольствие, которое я хочу доставить себе именно тем, чтобы показать

ему, как я понимаю, что такое — Хоненев. И я сама подам ему закуску, и не найду себе в этом никакой неприятности, а напротив большую приятность»: — Против такой девушки, не могу иметь никаких других чувств, кроме похвалы! Один порок в ней, повторяю: молодость.

Зиновьев (с сожалением). Так точно: молодость, Леонид Александрыч.

Хоненев. Она молода, я согласен, но тем не менее повторяю: не могу иметь против нее никакого другого понятия, кроме одобрения. У нея, вы говорите, есть жених — прекрасно! — хороший человек — душевно рад! — с богом, отдавайте! — Благодарю! И не забуду, ни их, ни вас! На следующие выборы, вас в исправники! Они же мои дети! Зовите в посаженные отцы — готов! — И затем (встает) прощайте (подает руку Зиновьеву). — Да, кстати (останавливаясь в дверях), у вас довольно прислуги, как я видел по вашим словам; пошлите кого-нибудь к судье, сказать, что я пробуду еще с полчаса в городе, и он может явиться.

Зиновьев. Я побегу сам, Леонид Александрыч.

Хоненев. Прекрасно. Но у вас, когда есть кучер, должны быть и лошади?

Зиновьев. Пара гнедых, Леонид Александрыч.

Хоненев. Так вы поезжайте; зачем же бежать?

Зиновьев. Скорее. Запрягать долго, Леонид Александрыч. А это недалеко.

Хоненев. Тем лучше. Прощайте. (Уходит. Зиновьев, проводив его, возвращается захватить шапку и стремглав уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 9

Горбылев один. Потом Елена Михайловна.

Горбылев (просовывается в дверь из передней, обнюхиваясь; рычит от удовольствия). Ы-ы-ы (приближается к закуске, обнюхивает, потрагивает вилкою), ы-ы-ы (облизывается. Колеблется. Но побеждает себя, отходит, облизываясь, не спуская глаз), ы-ы-ы...

Елена Михайловна (входит справа). А, Максим Кириллыч!

Горбылев. Да-с, Елена Михайловна (поглядывает на нее и на закуску).

Елена Михайловна. Что ж вы так стоите, Максим Кириллыч? Кушайте.

Горбылев. Покорно благодарю, Елена Михайловна. (Накидывается на закуску, и вперемежку с едою говорит.) А какой сон я видел-с, Елена Михайловна! — Будто судейская кошка, — только с белым хвостом вместо черного...

Елена Михайловна. Это, я думаю, все равно, Максим Кириллыч.

Горбылев. Нет-с, Елена Михайловна: во сне всякая вещь непременно что-нибудь значит. Белый хвост вместо черного, это, я думаю, перемена к лучшему-с.

Елена Михайловна. И то может быть.

Горбылев. И что же-с? — Идет эта судейская кошка ко мне-с, и несет в зубах крысу-с и говорит...

Елена Михайловна. Как же она говорит, когда в зубах у нее крыса? Этого не может быть.

Горбылев. Я забыл сказать-с, Елена Михайловна: она вынула крысу изо рта-с, взяла в лапки-с, и говорит-с...

Елена Михайловна. А, это другое дело. Так, она может говорить.

Горбылев. Взяла она эту крысу-с в лапки, и подает мне, и говорит-с: «кушайте на здоровье, Максим Кириллыч-с!» — И я взял эту крысу-с, и стал есть, и она такая вкусная-с. Это хороший сон-с, Елена Михайловна.

Елена Михайловна. Должно быть, хороший.

Горбылев. Я думаю-с, это значит, что судья прибавит мне целковый жалованья-с.

Елена Михайловна. Дай бог.

Горбылев. И тогда-с, хозяйка будет давать мне к обеду каждый день пирожное!

Елена Михайловна. Конечно. (Видя Свиридова.) Вы? Зачем?

ЯВЛЕНИЕ 10

Те же, Свиридов.

Свиридов. Да я вовсе не к вам, Елена Михайловна. Я к Михайлу Петровичу.

Елена Михайловна. Михайла Петровича Зиновьева нет дома.

Свиридов. Тем лучше. Я подожду.

Елена Михайловна. И я не знаю, скоро ли он воротится. Быть может не воротится до вечера.

Свиридов. Тем лучше. Надобно будет ждать до вечера.

Елена Михайловна. Я не хочу говорить с вами.

Свиридов (садится). Я буду говорить с Максимом Кирилловичем. Что нового, Максим Кириллыч?

Горбылев. Судья прибавляет мне жалованья-с, Илиодор Николаевич.

Свиридов. Обещал?

Горбылев. Нет-с, не обещал; а должен. Так выходит-с.

Свиридов. Почему же так выходит?

Горбылев. По сну выходит-с, Илиодор Николаич. Подходит ко мне судейская кошка-с, только с белым хвостом-с,

вместо черного, и подает мне крысу-с и говорит: «кушайте на здоровье, Максим Кириллыч», и я стал есть-с эту крысу, и она такая вкусная-с! — Я думаю-с, Илиодор Николаич: кошка — это значит судья-с; а подает крысу-с — будет прибавка жалованья-с.

Свиридов (вынимая портмоне). Это совсем другое дело, Максим Кириллыч. Кошка поймала крысу — это значит, я получил деньги. Она подарила вам крысу — значит я дарю вам эту бумажку, — вот (подает).

Горбылев (берет). Господи. 25 рублей. Да это, и на пирожное на целый год, и жилет куплю с букетами. (Впадает в колебание.) Да как же это, Илиодор Николаич: я дворянин, и чиновник; а вы и чужой, и не проситель: прилично ли мне взять? (Держит бумажку в сомнении.)

Свиридов. Отчего же неприлично, когда сон был к этому?

Горбылев. Да к этому ли-с, Илиодор Николаич? — То была судейская кошка, значит судья-с.

Свиридов. У судейской кошки черный хвост, вы говорите?

Горбылев. Черный-с.

Свиридов. А у этой белый. Значит, это не судья. Вот видите, у меня в кармане белый платок (вынимает и показывает). Вот вам и белый хвост у кошки. Значит, это я.

Горбылев. Это точно-с... А все-таки, вы чужой, и не проситель, — как же это? Елена Михайловна, можно взять от Илиодора Николаича?

Елена Михайловна. Можно. Какой же он чужой? Он, я — это все равно. Берите, Максим Кириллыч (Горбылев прячет бумажку.)

Свиридов. Вот вы стали говорить, Елена Михайловна.

Елена Михайловна. Нет.

Свиридов. Так я буду опять говорить с Максимом Кириллычем. Не видели ль еще чего-нибудь во сне, Максим Кириллыч?

Горбылев. Видел-с. Будто приехал Сергей Васильич.

Елена Михайловна. Ах, как я была бы рада.

Свиридов. А я был бы рад еще больше вашего.

Елена Михайловна. Нет, я больше вашего.

Свиридов. Нет, я больше вашего.

Елена Михайловна. Не смейте спорить. Вы с ним были только в университете; а я и не помню, когда я не любила его.

Свиридов. А теперь, не видели два года, и забыли.

Елена Михайловна. Как вы смеете говорить, что забыла, когда я каждый день говорила о нем?

Свиридов. Вовсе не вы говорили; а я говорил.

Елена Михайловна. Нет, я больше!

Свиридов. Ну, давайте спорить.

Елена Михайловна. Ну, давайте. Я ни за что не уступлю!

Свиридов. Хорошо. Я уступлю. Только будем говорить.

Елена Михайловна. Хорошо. Пожалуй, говорите, — но только вы один: мне нельзя говорить при Максиме Кириллыче. Я хочу сказать то, чего никак нельзя сказать ни при ком!

Свиридов. Так велите Максиму Кириллычу уйти, или сами уйдем, потому что и мне нельзя сказать при нем того, о чем я хочу говорить.

Елена Михайловна. Вам, нельзя говорить при нем! Вот новости!

Свиридов. Нельзя, Елена Михайловна; потому что я хочу говорить серьезно!

Елена Михайловна. Вот что! Опять серьезно! Когда я не велела вам!

Свиридов. Елена Михайловна, надобно же, чтобы вы позволили мне сказать Михайлу Петровичу.

Елена Михайловна. Зачем это надобно? *(Переходя в элегический тон.)* Зачем, Илиодор Николаич? Теперь, никто не мешает вам. А тогда церемонии, гости! — Такая скука! Когда венчаться, тогда и успеете сделать предложение. *(Опять, с бойкостью, хотя все тоном жалобы.)* Я сказала вам; — не стыдно ли вам не слушаться, надоедать?

Свиридов. Я и послушался, Елена Михайловна. Разве я надоел?

Елена Михайловна. Так и теперь не надоедайте.

Свиридов. Я и не надоедаю, Елена Михайловна. Я заговорил об этом потому, что теперь можно сделать, как мы говорили.

Елена Михайловна. Потому что вы получили деньги?

Свиридов. Да, Елена Михайловна. Скажем, повенчаемся, и уедем.

Елена Михайловна. Ах, нет, Илиодор Николаич. Вам можно прожить здесь еще месяца два, так зачем же раньше? Все-таки, жаль расставаться с отцом. Поживем здесь, пока вам можно.

Свиридов. Но можно пожить здесь и повенчавшись. Значит, для вас все равно, повенчаться и теперь.

Елена Михайловна. Нет, не все равно!

Свиридов. Почему же не все равно?

Елена Михайловна. Ах, какой вы! Когда мы уговорились, что как повенчаемся, так и уедем.

Свиридов. Уговорились, правда. Но можно и переменить это. Повенчаемся, и будем оставаться здесь, пока кончится мой отпуск.

Елена Михайловна. Боже мой, да когда я не хочу этого!

Свиридов. И вовсе не вы не хотите этого. Я не хотел этого. Я так сказал: «не будем оставаться здесь, а сейчас же уедем», — я так сказал, а вы только согласились.

Елена Михайловна. Я только сказала, что соглашюсь, а я и сама так хотела, и хочу так.

Свиридов. Почему же вы так хотите?

Елена Михайловна. Почему? — Да не хочу я говорить, почему. Вот вам и все. *(Оба молчат.)*

Горбылев. Я доел, Елена Михайловна. Вот *(повертывает тарелку на ребро)*. Унести на кухню, отдать Мавре, Елена Михайловна?

Елена Михайловна. Отнесите, отдайте.

Горбылев. Я там посмотрю, Елена Михайловна, как она готовит.

Елена Михайловна. Отчего же не посмотреть, когда это вам нравится? *(Горбылев уходит с подносом в дверь направо.)*

ЯВЛЕНИЕ 11

Елена Михайловна и Свиридов, одни.

Свиридов. Почему же вы не хотите оставаться здесь, повенчавшись, Елена Михайловна?

Елена Михайловна. Когда я сказала, что не хочу!

Свиридов. Да почему же?

Елена Михайловна. Ах, какой вы, право, Илиодор Николаич! Остаться тут и обниматься с вами, и чтоб все смотрели! Это стыд! А в Петербурге, это ничего, потому что там никто не будет знать, что прежде я не была замужем. *(Докторально.)* Вот до чего довели вы меня с вашим приставанием. Отстаньте же.

Свиридов. Хорошо, я отстану.

Елена Михайловна *(весело)*. Кончен ваш разговор?

Свиридов. Кончен.

Елена Михайловна. Теперь начинается мой. Ах, что я хочу сказать вам! Боже мой, как это хорошо! *(Молчит.)*

Свиридов. Что же такое?

Елена Михайловна. Ах, я не знаю, как и сказать это! Стыдно, ужасно стыдно! *(Молчит; вскакивает.)* Знаете ли что? — Должно быть, я в самом деле красавица! — Сказала, слава богу!

Свиридов. И я скажу: слава богу! Наконец-то поверили!

Елена Михайловна. Все-таки, не вашим же словам, разумеется. Разве вы можете судить, когда так любите меня? Но сейчас был такой случай, что я сама увидела: должно быть это правда! Вообразите, — но, ах, если бы вы знали, как я

встревожилась! Думала, будет ссора с отцом! — и все из-за вас же! Так рада, что он должен был выбросить это из головы! — Представьте себе: я иду по улице, — едет Хоненев, видит меня, — и за мною, к нам! — Отец вызвал меня к нему! Что делать? Я сказала ему, что у меня есть жених, — что уж тут разбираться! — Лишь бы отговорить его! — И отговорила. И ах, какой он смешной! Разумеется, не найдешь никого, подать закуску, — все распропали бог знает куда, по обыкновению, — и я подавала сама, — думала, что ж такое? — должен знать, что у небогатых людей часто бывает так, — а он воображает, это из уважения к нему! — а это, чтобы как-нибудь поскорее спровадить его. Такой глупый! Но видите, значит я в самом деле красавица. Ах, как я рада! Быть красавицею, это прелесть как мило! И особенно, я рада за вас, что у вас жена будет в самом деле красавица! И еще больше, за себя, потому что когда я в самом деле такая, вы не можете разлюбить меня!

С в и р и д о в (спокойно). Но я думаю, вы были смертельно обижена такую наглостью Хоненева?

Е л е н а М и х а й л о в н а. Еще бы нет! Ах, сердце закипело, закипело.

С в и р и д о в (целует ей руку). Он будет наказан (уходит, ровным шагом).

Е л е н а М и х а й л о в н а (миг оставшаяся в изумлении, бросается к окну). Илиодор Николаич! Не слышит! (Бежит к двери направо.) Максим Кириллыч! Догоните Илиодора Николаича! Скорее, бегом! Воротите его! (За сценою топот Горбылева, ринувшегося в погоню. Елена Михайловна опять бежит к окну.) Слава богу, догонит его! Слава богу, догоняет! Он не слушается, уходит! Боже мой, что будет с ним? Он будет убит! Илиодор! (С этим воплем, падает на стул. Через миг берется за голову.) О-о-о... (собираясь с мыслями). О-о-о... Что ж это? Что ж я должна сделать? Что такое? О-о-о... За ним, за ним. Я еще удержу его! (Бросается к двери прямо, навстречу вбегает Горбылев, начиная кричать еще за сценою.)

Я В Л Е Н И Е 12

Елена Михайловна, Горбылев.

Г о р б ы л е в (вбегая). Воротился, Елена Михайловна! Не слушался, — услышал, как вы закричали его, — воротился!

Е л е н а М и х а й л о в н а (опускается на стул. Отдыхая). О-о-ох!

Г о р б ы л е в. Да; ему было не слышно; а как вы закричали погромче «Илиодор», — он услышал, и воротился.

Е л е н а М и х а й л о в н а. Да где же он?

Г о р б ы л е в. Идет. Только сердится. Сам идет, а сам не идет; точно его ведут на веревке, ей-богу.

ЯВЛЕНИЕ 13

Те же, Свиридов.

Свиридов (*входит неохотно; покорным, но недовольным голосом*). Я воротился, Елена Михайловна.

Елена Михайловна (*довольно слабым голосом*). Я приказываю вам не смейте видеть его!

Свиридов. Конечно, Елена Михайловна, если я воротился, то уже решился не делать того, что вам не угодно.

Елена Михайловна. Благодарю, Илиодор Николаич (*жмет руку*), я так испугалась за вас!

Горбылев. Я не нужен вам больше, Елена Михайловна? Так я пойду туда, к Мавре; там у меня остался славный кусочек. Можно, Елена Михайловна?

Елена Михайловна (*дает знак головою, что можно*). Горбылев уходит направо).

ЯВЛЕНИЕ 14

Елена Михайловна и Свиридов.

Елена Михайловна (*начинает кротко, потому что еще слаба*). Как вам не стыдно, Илиодор Николаич?

Свиридов. Я не знал, что это вам не понравится.

Елена Михайловна (*оживляясь, потом горячась*). Вот это умно! Вы не знали! Он убил бы вас, — хорошо бы это было? Ах, вы, бессовестный человек! Не смейте и глядеть на меня! Как вы смели вздумать это, чтоб он убил вас? Садитесь и ждите, не смейте глядеть на меня! (*Он стоит растерявшись*.) Ах, вы, сумасшедший! Я давно знаю вас, какой вы! Только притворяетесь умным, а в самом деле сумасшедший! И прекрасно сказал Максим Кириллыч! Так и надобно с вами! Только попробуйте повенчаться! Увидите, что я с вами сделаю! Привяжу вас на веревку, так и буду держать! Что ж вы молчите? Видите, вам самому стыдно, что вы такой сумасшедший! Что ж вы стоите? Садитесь и сидите, говорят вам, и не смейте глядеть на меня! (*Он садится*.) И зачем вам было нужно, чтоб он убил вас?

Свиридов. Ни за чем. Только я сам хотел убить его.

Елена Михайловна. А это зачем вам было нужно? Мешает он нам с вами?

Свиридов. Нет, не мешает. Вы сказали, что Михаил Петрович должен был выбросить это из головы.

Елена Михайловна. Так что ж вам было нужно?

Свиридов. Как же он смел так подумать о вас, Елена Михайловна? Это такое оскорбление вам.

Елена Михайловна. Он обидел меня? Вы в тысячу раз больше обидели меня. Как вы смели забыть обо мне?

Свиридов. Как же я забуд о вас, Елена Михайловна?

Елена Михайловна. Вы еще спорить. Как же вы не забыли обо мне, когда пошли, чтоб он убил вас? Молчите и не смейте ничего говорить, бесовестный человек.

Свиридов. Елена Михайловна...

Елена Михайловна. Молчите!

Свиридов. Я совсем о другом, Елена Михайловна; я не об этом.

Елена Михайловна. Да вы понимаете, что это бесовестно.

Свиридов. Это я понимаю, Елена Михайловна.

Елена Михайловна. И раскаиваетесь?

Свиридов. И раскаиваюсь.

Елена Михайловна. И впредь никогда не будет этого?

Свиридов. Никогда, Елена Михайловна.

Елена Михайловна. Ну, хорошо. Говорите, что вы хотели сказать.

Свиридов. Если бы Михаил Петрович знал, что у вас есть жених, вам не было бы этого беспокойства.

Елена Михайловна. Это правда.

Свиридов. Так вы позвольте, я поговорю с Михаилом Петровичем.

Елена Михайловна. Хорошо. Я вижу, что я сама виновата. Не следовало откладывать этого.

Свиридов. Конечно, не следовало, Елена Михайловна. А это можно сделать завтра же, — повенчаться, — чтобы не было гостей и церемоний и всей этой скуки.

Елена Михайловна. Конечно, можно. Так и надобно. Если бы только скука, это еще ничего бы. Но я призналась вам: это стыд.

Свиридов. Значит, вы приказываете...

Елена Михайловна. Ах, не спрашивайте меня, Илиодор Николаич. Мало ли что я говорю, а сама ничего не знаю, что лучше для меня. Как лучше по-вашему для меня, так и сделайте, — все, как хотите. Завтра ли венчаться, быть ли женихом и невестой; ехать ли в Петербург прямо из церкви, пожить ли здесь — ничего не знаю. И здесь оставаться, я думаю, будет стыдно, — и с отцом не хотелось бы расставаться раньше, нежели необходимо для вас... Ничего не умею решить... Делайте, как лучше для меня...

Свиридов. Если так, Елена Михайловна, то.

За сценой шаги и голоса.

Елена Михайловна. Да, да. Отец и кто с ним? Будто видела, но не помню. Господи, какое гадкое лицо! (Это уже при входе Парадизова, вполголоса Свиридову.) (За сценою, между тем, голос Зиновьева, который договаривает уже на сцене.)

ЯВЛЕНИЕ 15

Те же, Зиновьев, Парадизов.

Зиновьев (*начинает за сценою*)... Значит, обчистили и отпустили. Видно, и в Москве те же люди. И хоть бы так отпустили! А то с жандармом, на место жительства, под надзор полиции! Илиодор Николаич! Доброго здоровья! (*Жмет руку. К Парадизову.*) Дочка моя; чать помнишь, Семен Клементьич, вот этакую (*показывает рост маленького ребенка*). А ты, Леночка, помнишь Семена Клементьича?

Елена Михайловна. Теперь вспомнила.

Парадизов. Ручку, барышня (*целует руку, поворачивает ладонью вверх*). Ворожить умею, барышня. Жених генерал, тысяча душ. По линии так выходит.

Елена Михайловна. У меня уж есть жених, именно такой. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ 15

Зиновьев, Парадизов, Свиридов.

Парадизов. С гостем познакомь, братец.

Зиновьев. Илиодор Николаевич, прошу любить и жаловать: мой бывший сослуживец, отставной коллежский секретарь Семен Клементьевич Парадизов. (*Свиридов кланяется, сторонясь.*)

Парадизов (*лезет за рукою Свиридова*). Позвольте быть знаком. (*Свиридов принужден подать руку. Садятся.*) Петербургский, смею спросить?

Свиридов. А вы из Москвы? Пострадали за правду, кажется?

Парадизов. По зависти.

Зиновьев. Уехал быть ходатаем по делам при Московском сенате. Враги искали случая погубить, обвинили в составлении фальшивых документов...

Парадизов. Уличить не могли.

Зиновьев. Разорили человека и вот выслали сюда на место жительства.

Парадизов. По зависти к уму.

Свиридов. Когда вы будете свободен, Михаил Петрович? Мне надобно поговорить с вами.

Зиновьев. Я всегда готов переговорить с вами, Илиодор Николаич. Семен Клементьич, ты, братец, извинишь? У нас дело. Ступай посиди с Леночкою.

Парадизов (*вытаскивая из кармана бумаги*). Лучше посмотрю.

Зиновьев. Уже обзавелся новыми делами?

Парадизов. Маленькими.

Зиновьев. Так ты иди в кабинет.

Парадизов. Туда (*уходит налево*).

ЯВЛЕНИЕ 17

Зиновьев, Свиридов.

Свиридов. Конечно, вы давно замечали мое расположение к Елене Михайловне, Михаил Петрович.

Зиновьев. Замечал, Илиодор Николаич.

Свиридов. И, надеюсь, одобряете наши чувства.

Зиновьев. Одобряю, Илиодор Николаич.

Свиридов. Пойдем же к ней.

Зиновьев. Нет, позвольте, Илиодор Николаич. Так не делается. Прежде всего, я должен формально слышать от вас. Потом поговорить с нею. Так принято. Конечно, в настоящем случае это только форма. Но так принято. Итак, вы просите руки Леночки, Илиодор Николаич.

Свиридов. Прошу.

Зиновьев. С моей стороны я очень рад и передам ей ваше предложение. Но прежде мы должны говорить об условиях, каких вы требуете, и какие будут соразмерны с моими возможностями, в случае ее согласия.

Свиридов. Мои условия те, что вы благословите ее под венец, мы повенчаемся и поедем в Петербург.

Зиновьев. В Петербург, конечно, потому что там у вас служба и фабрика. Хоть мне и тяжела разлука с моей единственной дочерью, но я понимаю, что это должно быть так. Не скрою, предвидел это и приготовился. Но вы знаете, я человек небогатый. Я желал переговорить с вами в точности именно насчет этого.

Свиридов. В этом нет надобности. Я тоже человек небогатый. Но жалованье по службе, моя доля в фабрике Ильиных, жалованье за управление фабрикой — вы знаете, все это составляет тысячи три дохода; этого довольно, Елена Михайловна не испытает нужды.

Зиновьев. Знаю, Илиодор Николаич, и ожидал от вас именно таких слов, как от человека, которому дорога Леночка, а не ее приданое. Но она моя единственная дочь и тем больше обязан я не отпустить ее из дому в одном платье. Могу дать за нею две тысячи деньгами. Что касается вещей, надобно будет составить реестр.

Свиридов. Пожалуй, составляйте.

Зиновьев. Знаю, Илиодор Николаич, в настоящем случае это одна форма, не больше. Но нельзя без этого: так принято. Кроме того, расходы по свадьбе, сколько они, как принято, касаются невестинной стороны, конечно, на мой счет.

Свиридов. Этих расходов не будет, Михаил Петрович. Я попрошу священника молчать, чтоб и в церкви никого не было.

Зиновьев. По нынешней моде, Илиодор Николаич? — Я человек не нынешних мод; но понимаю, что это самое лучшее во всех отношениях. Только одно, Илиодор Николаич: Леонид Александрыч Хоненев — Леночка сказывала вам? — вызвался быть посаженным отцом.

Свиридов. Нет, Елена Михайловна не говорила мне. Должно быть, он, как ни глуп, не решился сказать ей этого.

Зиновьев. Значит, так, Илиодор Николаич, нельзя же отказать такому человеку в таком его добром расположении. А при таком человеке нельзя не сделать парада, хоть маленького.

Свиридов. Это было бы неприятно Елене Михайловне. Потому этого не будет, Михаил Петрович.

Зиновьев. Илиодор Николаич, она молода; может ли она понимать, Илиодор Николаич.

Свиридов. Прошу Вас, Михаил Петрович, не говорить о ней так.

Зиновьев (вздыхает). Решительно отказываете, Илиодор Николаич?

Свиридов (не отвечает).

Зиновьев (вздыхает). Ну, что делать.

Свиридов. Вы желали переговорить со мною обо всем в точности, Михаил Петрович; и переговорили. (Встает.)

Зиновьев (удерживая его). Илиодор Николаич, вы куда ж это? к Леночке? Нет, пожалуйста. Так не принято. Вы знаете; обычай требует: сделавши предложение отцу, или кому, там, — сделавший предложение уходит и в назначенное время приходит и получает ответ. Сделаем и мы так.

Свиридов. Да зачем же нам так делать? Я знаю, да и вы уверен: Елена Михайловна согласна. Что же мне приходиться, да уходить?

Зиновьев. Конечно, пустая форма. Но прошу вас. Потешьте старика, хоть в этом. И как это в настоящем случае только форма, то и отсрочку возьмем самую маленькую, — вот, часа через два пора обедать, — мы и будем ждать вас к обеду, — два часа, ну много ли это? — Ну, и раньше, пожалуй, — ну, приходите через час, ну, через полчаса; полчаса, какая тут важность полчаса?

Свиридов. Да зачем же вам так нужна эта отсрочка?

Зиновьев. Илиодор Николаич, скажу вам откровенно: хочу обстоятельно сообразить свои возможности насчет приданого вещами.

Свиридов. Да не нужно оно, ни ей, ни мне.

Зиновьев. Ну, пожалуйста, Илиодор Николаич. Позвольте составить реестрец, как принято, с точностью.

Свиридов. Да, если бы я был вспыльчивый человек, я мог бы обидеться этим и за себя и за Елену Михайловну: или вы мало уверены в нас.

Зиновьев. Илиодор Николаич, ну, пожалуйста, форма того требует. Ну, прошу вас.

Свиридов *(пожимает плечами)*.

Зиновьев. Ну, потешьте старика!

Свиридов. Хотя вы и не старик, но извольте, потешу *(берет фуражку)*.

Зиновьев. Вот и прекрасно. Больше мне ничего не нужно, как только составить реестрец и чтобы соблюсти форму. Вот и прекрасно! *(Провожает Свиридова в переднюю. Из кабинета высовывается Парадизов, смотрит вслед им.)*

ЯВЛЕНИЕ 18

Зиновьев, Парадизов.

Парадизов *(выходя к возвращающемуся из передней Зиновьеву)*. Обделал дельце, Михаил Петрович.

Зиновьев. Не совсем еще, Семен Клементьич. *(Кричит.)* Леночка! Друг мой, Леночка! *(Парадизову.)* Ты, Семен Клементьич, оставь нас одних.

Парадизов. Друг ты мой, ты прежде посоветовался бы со мною.

Зиновьев. Не о чем советовать-то, Семен Клементьич. *(Входит Елена Михайловна. Парадизов уходит опять в кабинет.)*

ЯВЛЕНИЕ 19

Зиновьев, Елена Михайловна.

Зиновьев *(обнимая дочь)*. Вот, Леночка, счастье твое и устраивается.

Елена Михайловна *(обнимая его)*. Да, папаша! Только все-таки мне жаль бросить вас.

Зиновьев *(садясь, сажая ее подле себя и лаская)*. Ну, что делать, Леночка. Ты не плачь. Человек он такой, что мое сердце спокойно за твое счастье с ним.

Елена Михайловна. Да, папаша.

Зиновьев. У меня к тебе только одна просьба, Леночка. Леонид Александрович Хоненев был так добр, что вызвался быть твоим посаженным отцом.

Елена Михайловна *(живо)*. Нет, папаша.

Зиновьев. Леночка, дружок мой, не откажи. Он может все сделать для моего счастья. А отказать ему — обидится. Вы уедете, а я тут остаюсь, весь в его власти.

Елена Михайловна *(ласково)*. Хорошо, папаша.

Зиновьев. Благодарю тебя, Леночка. *(Обнимает ее.)* Ты уговоришь и Илиодора Николаича, Леночка, чтоб он согласился?

Елена Михайловна. Он согласится, папаша *(спокойно, с уверенностью)*.

Зиновьев. Беспокоюсь я за это, Леночка, согласится ли он: он был так против этого.

Елена Михайловна. Согласится, папаша.

Зиновьев. Ну, слава богу, когда ты так обещаешь! (Обнимает ее.) Милая моя дочка, единственное ты сокровище. Расставаться нам с тобою. (Плачет.) Ну, да что делать! Ты не плачь, мой друг...

Елена Михайловна (смеется). А сам-то вы, папаша?

Зиновьев (утирает глаза). И я не буду, Леночка, что же плакать. Не так расстаемся, чтобы не видеться. Будете приезжать навещать меня; дороги ныне хорошие.

ЯВЛЕНИЕ 20

Те же, Парадизов.

Парадизов (входя). Не помешал ли?

Елена Михайловна (утирает слезы и встает).

Парадизов. Уходите от старика, барышня? А старик вас любит.

Елена Михайловна. У меня теперь много дела. Сборы (уходит).

ЯВЛЕНИЕ 21

Парадизов, Зиновьев.

Парадизов (указывая на уходящую Елену Михайловну). Капитал!

Зиновьев. Как ты говоришь?

Парадизов (сядась). Говорю: капитал. А ты умел воспользоваться.

Зиновьев. Как воспользоваться?

Парадизов. Умно устроил дочку.

Зиновьев. А ты подслушивал.

Парадизов. Не подслушивал; слышал (сострадательно качает головою). Жаль.

Зиновьев. Как жаль? Ты про кого говоришь? Про нее, что ли?

Парадизов. Про тебя. А хоть и про нее то же самое, пожалуй.

Зиновьев. Чего ж ее жалеть? Прекрасный человек. Любит ее. Есть и состояние.

Парадизов. Я и говорю: хорошо.

Зиновьев. Нет, братец ты мой, ее жалеть нечего.

Парадизов. Я и говорю: ее жалеть нечего. (Качает головой.) И тебя тоже. Умел воспользоваться.

Зиновьев. Что же? Сколько было можно, я воспользовался тем, что он берет ее без расчета. Всем было известно, что за нею было назначено четыре тысячи. Я даю ему две. Вовсе ни-

чего не дать неприлично. Да я и люблю ее. Какой же еще выгоды? Опять приданого вещами не нужно делать. Что есть, то и есть. Ни салопа нового, ничего. Это тоже надобно считать по крайней мере в тысячу. Нет, Семен Клементьич, ты что хочешь говори, а я очень доволен.

Парадизов. Я и говорю: хорошо.

Зиновьев. Да ты к чему ж это говоришь?

Парадизов. Я к тому говорю, что лучше и нельзя было.

Зиновьев. И нельзя было.

Парадизов (качает головою). Отсрочки просит — я думаю: видит, что можно лучше устроить счастье дочери, — а он за тем, чтобы дочь упросить Хоненева взять в посаженные отцы.

Зиновьев. Что же кроме-то? Больше ничего нельзя.

Парадизов. Говорил я тебе или нет: посоветуйся со мною?

Зиновьев. Да не о чем тут советоваться-то. Понимаешь ты или нет: значит, наотрез отступился, когда в посаженные отцы назвался. Что же тут сделаешь? И покорствуй, благословляй. Больше делать нечего.

Парадизов. И я говорю: больше делать нечего.

Зиновьев. Да ты что же говоришь?

Парадизов. А я вот что говорю: ты мне какую долю можешь дать?

Зиновьев (с горячностью). Да что это, братец ты мой, ты про что ж это такое говоришь?

Парадизов. Я про то: доставляю я тебе от Хоненева, примерно, сто тысяч, — меньше брат — дурак будешь: девушка, одно слово, капитал. Ну, я доставляю тебе сто тысяч, ты мне какую долю даешь?

Зиновьев. Да что же ты в самом деле? Как же ты меня понимаешь? За подлеца?

Парадизов. Никак я тебя не понимаю. Нет надобности мне тебя никак понимать. Я говорю о деле, а ты рацею заводишь. Одно к другому нейдет.

Зиновьев. Нет, братец ты мой, я никакой подлости никогда не делал, и не сделаю.

Парадизов. Да я вовсе не про подлость говорю, а про твои собственные мысли.

Зиновьев. Нет, я этого не хотел.

Парадизов. Чего ты не хотел, того я и не велю тебе хотеть.

Зиновьев. Нет, братец ты мой, я на это не согласен!

Парадизов. На что ты не согласен? Я ни о чем и не говорю. Я говорю только: какую долю ты можешь дать?

Зиновьев. Как же ты ни о чем не говоришь? Ты говоришь, чтоб он взял ее в любовницы. Я этого не хотел.

Парадизов. Да ты не говори со мною, как с малым ребенком.

Зиновьев (все больше горячится). Нет, братец ты мой, я на это не согласен.

Парадизов. Чудны мне эти люди, такие, как вот ты, Михаил Петрович. Сам хочет; а скажи ему, чего он хочет — отрезается.

Зиновьев. Нет, я этого не хотел.

Парадизов (качает головой и молчит). Эх, люди, люди! (Молчит.) Эх, люди, люди! (Молчит. Оживляется.) Ну, хорошо. Будь по-твоему. Ты чего хотел?

Зиновьев. Чтоб он женился на ней.

Парадизов. Хорошо. Сколько даешь за труды?

Зиновьев. Да неужто ты берешься за это? Да это невозможно, братец ты мой.

Парадизов. Сколько даешь?

Зиновьев. Да ты скажи свои условия.

Парадизов. Прежде всего эту свадьбу расстроить. Четыре тысячи, как ты обещал за ней, то и давай. Тогда приданого не нужно. Видишь, ни копейки не обижаю тебя. А там, после, условимся об остальном.

Зиновьев. Да ты, взявши деньги, отступишься.

Парадизов. Как тебе не грешно так обижать меня, Михаил Петрович; кого другого, а тебя стану ли я обманывать? (Встает; с пафосом.) Вот, знай же ты меня, каков я человек. Ни копейки твоей мне не надо. Даром сделаю. Вот тогда совесть-то и упрекнет тебя, что ты понапрасну меня обидел! Захочешь, отблагодарить — твоя воля; не захочешь — бог тебе судья!

Зиновьев (выпучив глаза). Да ты не в шутку, Семен Клементыч?

Парадизов. Какие тут шутки, когда ты меня в самое сердце уколел!

Зиновьев. Да как же это сделать-то? Отказать в приданом, что ли?

Парадизов. Попробуй. Только хуже сделаешь.

Зиновьев. Так как же, по-твоему. (Встает.)

Парадизов. Просто, друг ты мой. Плакала она тут, или нет?

Зиновьев. Плакала.

Парадизов. О чем?

Зиновьев. Жаль со мною расставаться.

Парадизов. Чего ж тебе еще?

Зиновьев. Да что же, я все не пойму.

Парадизов. Видно, надобно долго тебе толковать. Не хватил бы он нас тут, не давши договорить. Пойдем-ка в кабинет. А сюда позови дочь, чтобы занимались тут промежду собою, чтобы не нагрянул он и туда к тебе.

Зиновьев (кричит). Леночка! (Парадизову.) Что же я ей скажу?

Парадизов. Скажи: все пусть, как они хотят. Не смущать же их.

Я В Л Е Н И Е 22

Те же, Елена Михайловна.

Зиновьев. Ты посиди тут, Леночка. Скоро придет Илиодор Николаич за ответом. Ты согласна, что ли? (Смеется.) Я тебя еще не спрашивал.

Елена Михайловна (грустно). Папаша, он говорил: прямо из церкви в Петербург.

Зиновьев. Поговорите обо всем и решите, как рассудите. (Зиновьев и Парадизов уходят в кабинет, Елена Михайловна садится, постепенно задумывается и начинает плакать.)

Я В Л Е Н И Е 23

Елена Михайловна сидит, задумавшись, и по временам утирает глаза. Через несколько времени входит Свиридов.

Елена Михайловна (не вставая; с улыбкою, но сквозь слезы). Илиодор Николаич, если бы вы знали, как мне грустно.

Свиридов (садится подле нее). Я понимаю, Елена Михайловна.

Елена Михайловна. Илиодор Николаич, неужели вы сделаете все так, как говорили?

Свиридов. Да, Елена Михайловна, я ходил к священнику. Завтра поутру он повенчает нас. Прямо из церкви сядем в коляску и уедем!

Елена Михайловна (со слезами). Илиодор Николаич, я не хочу так!

Свиридов. Елена Михайловна, то, что вы говорили об этом, совершенная правда. Быть невестою — оставаться после свадьбы в обществе прежних знакомых, это очень тяжело для девушки, которая не любит ветреничать.

Елена Михайловна. Нет, Илиодор Николаич, лучше я буду невестою.

Свиридов. Вы хотите быть невестою? В таком случае, я должен быть женихом (тихо обнимает ее одною рукою и хочет поцеловать).

Елена Михайловна (хочет принять поцелуй, но вдруг откачнувшись). Нет, нет. Лучше когда-нибудь после.

Свиридов. Видите, как вам стыдно? Как же вы будете невестою?

Елена Михайловна. Правда. Пусть будет по-вашему. (Берет его руку, снимает ее с своей талии). Илиодор Николаич, пожалуйста! Не надобно обнимать.

Свиридов. Вы милая девушка, Елена Михайловна.

Елена Михайловна. Для вас должна быть милою, Илиодор Николаич; потому что очень люблю вас. Я сама не рада, что не могу приласкать вас.

Свиридов. Это именно оттого, что вы любите меня.

Елена Михайловна (смеется). Ах! разумеется. Если бы вы видели, как я обнималась с Сережей.

Свиридов. Значит, его вы не любили?

Елена Михайловна. Не смейте так говорить! (Смеется.) С вами нельзя говорить. И вот вам за это новость; я беру Хоненева в посаженные отцы.

Свиридов. Елена Михайловна, но это неприятно вам.

Елена Михайловна. Илиодор Николаич: отец просил.

Свиридов. Нет, Елена Михайловна, мы не согласимся.

Елена Михайловна. Нет, я согласилась, Илиодор Николаич. Да он и не до такой степени неприятен мне: он глупый, но действительно добрый.

Свиридов. Что ж, Елена Михайловна, мне самому съездить за ним?

Елена Михайловна. Нет, пусть едет отец. Это тридцать верст. Чтобы я отпустила вас на столько времени!

ЯВЛЕНИЕ 24

Те же, Парадизов, Зиновьев.

Парадизов (идет впереди, совершенно убитый. Зиновьев сзади, насмешливо показывает на него Свиридову и дочери. Проходят в переднюю молча).

Парадизов (за сценою сердито). Прощайте, Михаил Петрович.

Зиновьев (сухо). Прощайте, Семен Клементыч.

Свиридов. Ссора. Я очень рад. Этот человек не нравился мне.

ЯВЛЕНИЕ 25

Елена Михайловна, Свиридов, Зиновьев.

Зиновьев (возвращаясь). Нацеловались, жених с невестою?

Елена Михайловна. Нацеловались, папаша. (Свиридову.) Ах, какую правду вы говорите. Даже и он!

Зиновьев. Ну, и при мне поцелуйтесь. Утешьте отца.

Елена Михайловна. Ах, папаша, некогда. Мне надобно собираться в дорогу, вы знаете.

Зиновьев. Мало любишь Илиодора Николаича, Леночка, а то было бы время, Илиодор Николаич, да вы чего же глядите?

Свиридов. Я гляжу того, как вы дадите мне реестр приданого.

Зиновьев. А! Смеется над стариком! Хорош жених! Невесту не целует, над нареченным тестем смеется. А каков гусь, мой друг-то, Семен-то Клементьич? Дай ему четыре тысячи взаймы под расписку. Вишь ты, с чем подъехал. — Да, а рестреп-то приданого. *(Серьезно.)* Передумал я, Илиодор Николаич: никакого приданого у Леночки не будет.

Елена Михайловна. И тем лучше, папаша. Я так и хотела просить вас.

Свиридов *(обнимает)*. Благодарю тебя, Леночка, за то, что ты так думала обо мне.

Елена Михайловна. Я знаю тебя, Илиодор. *(Сама целует его.)*

Зиновьев. Ах, вы дети, дети! С ними шути, они и верят. Передумал я, Илиодор Николаич; передумал, только не совсем так сказал. И рад бы душою дать что-нибудь за Леночку, да не могу. Сам ничего не имею, такое дело вышло. Вот. *(Подает Свиридову бумагу. Свиридов, взглянувши, начинает спокойно раздирать.)*

Елена Михайловна. Что это такое? Постой, не рви! И я хочу прочесть. *(Наклоняется к бумаге; взглянув.)* Ах, папаша! Неужели вы такой гадкий! *(Читает.)*

«Краткая опись имущества, принадлежащего дочери моей, Елене:

- «1. Деревня Иваново Подворье;
- «2. Дом в городе, со всем находящимся в нем;
- «3. Наличных денег 8050 рублей.

«На что и совершаю дарственную запись». Да у вас ничего не останется, папаша!

Зиновьев. А жалованье-то, Леночка? Да и наличными оставил себе на расходы рублей с сотню. *(Свиридов между тем раздирает бумагу.)* Рвите! Не в этой бумаге сила, в документе. Моя воля его совершить. Помешать не можете.

Елена Михайловна. Папаша, да что же это вы с ума сошли? Что за несчастная судьба моя! Жених — сумасшедший, отец — сумасшедший. *(Смеется.)*

Зиновьев. Нет, Леночка. На отца ты напрасно говоришь: никакого сумасшествия тут нет. Пошли у меня мысли, мысли... не могу я вынести этой мысли, что не буду видеть тебя. Когда все тут ваше, то может хоть почаще будете навещать здешние места.

Елена Михайловна. Папаша, этого не нужно. Илиодор выйдет в отставку и будет с нами жить здесь. Мы с вами не расстанемся *(обнимает отца)*.

Свиридов. Я так сделаю, Михаил Петрович.

Зиновьев. Оживили вы мое сердце, Илиодор Николаич *(обнимает Свиридова)*. Ни просить не смел, ни надеяться. Тем меньше мог ожидать, что фабрику за глазами нельзя оставить.

Свиридов. Конечно, нельзя. Я поеду, сведу счеты с компаньонами, возьму свои деньги, куплю здесь землю.

Елена Михайловна. Илиодор, ты уезжаешь?

Свиридов. На полтора месяца, не больше, Леночка; надеюсь, и того меньше.

Елена Михайловна. Так поезжай скорее, чтобы скорее вернуться.

Занавес падает.

Конец первого действия.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА:

Михаил Петрович Зиновьев.
Елена Михайловна, его дочь.
Леонид Александрович Хоненев.
Максим Кириллович Горбылев.
Семен Клементьевич Парадизов.
Сергей Васильевич Короваев; 25 лет. Бойкий.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

(через 5 дней)

Та же комната.

ЯВЛЕНИЕ 1

Парадизов бежит из кабинета; за ним торопливо идет Зиновьев, на-
талкивается на входящего Короваева; с жестом удивления обнимает его.

Зиновьев (обнимая Короваева). Сергей Васильич! Сколько лет, сколько зим! Я ворочусь через минуту; а Леночка дома. (Кричит.) Леночка! Иди сюда! Посмотри кто. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 2

Короваев, Елена Михайловна.

Елена Михайловна (входит; как видит Короваева, бежит к нему с криком). Сережа! (Кидается ему на шею и висит.)

Короваев (целует ее). Так вот как встречаешь меня, Леночка. Я признаюсь, ожидал не такого приема. Думал: покраснеет, будет держать себя застенчиво, как следует девице — с молодым человеком. А она, два года не выдавшись, доживши до восемнадцати лет, облапила меня попржнему. Когда так, извините, скажу, сударыня: таскать вас на шее, шея заболит; вы ррсту

не маленького, милая девица. (Снимает ее у себя с шеи, ведет в охапку, сажает, садится сам вплоть, держит руки в руках, все безумолку говоря). И от шестнадцатилетней от вас было мне отчасти огорчение, по такому вашему нраву со мною; а теперь я не могу принять этого иначе, как за афронт молодому человеку! (Встряхивает руки и серьезно.) Ну, как же ты поживаешь, Леночка, голубушка моя?

Елена Михайловна. Ах, Сережа, порадуйся за меня, мой милый; я выхожу замуж; и знаешь ли...

Короваев (не давая договорить, свищет). Ф-ф-ть. Так и есть. Афронт молодому человеку, как нельзя того хуже. (Передразнивая.) Порадуйся, выхожу замуж! (С комедиальным азартом.) Да, что ж, милостивая государыня, сестрица, что ли, я дался вам, что вы угощаете меня такими радостями?

Елена Михайловна. Лучше сестры, Сережа; да ты слушай, мой милый, кто мой жених; ну, угадай.

Короваев. С удовольствием угадаю и без ошибки: я.

Елена Михайловна. Ах, Сережа, да ты не смейся. Ты порадуйся за меня; ты слушай, кто мой жених: твой приятель Илиодор Никола...

Короваев. Свиридов?! (Обнимает ее.) От души поздравляю, Леночка (Целуются.) Милая ты моя, рад, рад за тебя. Да стой! Как он попал сюда? Как проехал через Москву, не справившись обо мне? Вот, я задам ему звону! Не желай и злomu татарину, Леночка, попасть в такую расправу, как я ругать его буду. Ты тогда лучше уходи, а то жаль будет тебе его.

Елена Михайловна. Да он справлялся о тебе, когда проезжал через...

Короваев (махнув рукою). Оно точно. Искали такие, которым понужнее было найти, да не отыскивали. Подлецы эти кредиторы, Леночка, самый отвратительный народ. Никогда не шей себе, Леночка, ни сапогов, никакого мужского платья в кредит, — вот тебе совет моей (Елена Михайловна вскакивает и бежит) опытности. Да куда ты?

Елена Михайловна. Сейчас, Сережа! (Убегает; возвращается; подавая портмоне.) Вот, Сережа, это мои.

Короваев. Что ты, мать моя? Ты прежде спросила бы. Ну, да хорошо; давай. (Берет портмоне; раскрывая.) Сколько тут?

Елена Михайловна. Сто семь рублей, Сережа.

Короваев. Семь рублей оставляю, сто беру (вынул деньги, кладет семь рублей назад). Спасибо тебе (вынимает свой бумажник, кладет ее деньги туда, вынимает оттуда сторублевую бумажку, кладет в ее портмоне). А вот на их место. Видишь, не отказался. (Отдает ей портмоне.)

Елена Михайловна. Да как же, Сережа, когда ты говорил, что прожил все деньги, а у тебя их много.

Короваев. А, длинная история, Леночка. Краткий же смысл ее: когда не осталось никаких ресурсов бездельничать, рассудил, что пора сделаться почтенным человеком, каким ты и имеешь удовольствие видеть меня. *(Кланяется важно.)*

Елена Михайловна. Тебя вижу, Сережа, а почтенного человека не вижу.

Короваев. Твое зрение обманывает тебя, душа моя. Да где же твой Свиридов?

Елена Михайловна *(впадая в элегический тон)*. Он уехал в Петербург, Сере...

Короваев. Устроить свои дела перед свадьбой? У него там доля в чьей-то фабрике кажется? Что ж это значит, — сюда, что ли, переселяется?

Елена Михайловна. Да, Сережа; и уже шестой день...

Короваев. Как уехал. И до сих пор нет. Долго! По-нашему в Петербург съездить в пять минут?

Елена Михайловна. Нет, Сережа, не смейся; но если бы ты знал...

Короваев. В каком ты горе? Вижу. Да что ж ты не плачешь?.. Ты плачь.

Елена Михайловна. Ах, Сережа! как тебе не стыдно смеяться!

Короваев. Какой тут смех, мать моя! Сам вместе с тобой ударился бы в слезы, да только вот некогда чемодан развязывать; а то вынул бы *(Елена Михайловна начинает толкать его, чтобы остановился и дал ей договорить)* дюжину платков, уселись бы мы с тобой и какой отличный рев могли бы поднять: ы-ы-ы *(прикладывает платок к глазам и хнычет)*.

Елена Михайловна *(толкая сильнее)*. Сережа, да ты постой дурачиться. *(Он все воет.)* Сережа, ты видишь, я хочу спросить тебя. *(Он останавливается.)* Ты сказал: не будешь развязывать чемодана, — что ж это? Уезжаешь? Только что показался и уезжаешь? А я думала, ты к нам надолго.

Короваев. Вовсе поселюсь у вас. Но теперь только на три, четыре часа, только заехал повидаться с тобою; считай, во сколько верст сделал крюк: еду в Волчок. Недели через три вернусь и тогда примчусь утешать тебя, если этого нехристя еще не будет. Видишь ли, друг мой, Леночка, рассудивши, как я тебе сказал, сделаться почтенным челове...

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же, Хоненев, Зиновьев.

Хоненев. Елена Михайловна, доброго здоровья. На перепутье — только взглянуть на вас...

Елена Михайловна *(жмет ему руку)*. И выпить моей

вишневки, не правда ли? Не отпущу вас без того. Сию минуту (хочет уйти).

Хоненев (удерживая). Погодите. Прежде скажите, что жених?

Елена Михайловна. Жених изменил. До сих пор ни одной строчки. Когда вернется, я выцарапаю ему глаза.

Хоненев. Вы умеете царапаться?

Елена Михайловна. О, страшно! (Уходит.)

Я В Л Е Н И Е 4

Хоненев, Зиновьев, Короваев.

Хоненев. Что это за милая девушка ваша дочь, Михаил — Эмм...

Зиновьев. Михаил, сын Петров.

Хоненев. Петрович! — очень милая; и до такой степени, как будто даже воспитывалась в хорошем обществе. А это? (указывая на Короваева) ваш родственник, или знакомый?

Зиновьев. Это, Леонид Александр...

Короваев. Позвольте, Михаил Петрович, я сам отрекомендую себя, если это необходимо. — Комиссионер по здешнему торговому району от фирмы Скараманга и К^о Короваев.

Хоненев (протягивая руку). Очень приятно познакомиться.

Короваев. С кем имею удовольствие говорить?

Хоненев. Здешний помещик, Хоненев.

Короваев. Очень приятно познакомиться (берет и жмет руку).

Хоненев. А вы, как вижу, не здешний?

Короваев. Нет, я вырос здесь.

Хоненев (хлопает глазами). Амм... (мнетя, чтобы сказать). Амम्म...

Короваев. Вы, может быть, удивляетесь, как же я не знал вас? Нет, я знал. Но в Петербурге, в Москве так принято.

Хоненев. Ггггда, ггггда... Надеюсь... надеюсь, мы будем с вами дела...

Короваев. Дела? Пожалуй. Теперь я еду побывать на пристанях, поговорить с купцами, в особенности, с братьями Сапожниковыми.

Хоненев. Да, братья Сапожниковы, — да, братья Сапожниковы, — как же, как же.

Короваев. С такими миллионами и фирма Скараманга и К^о не должна быть в контре, вы понимаете.

Хоненев. Да, Да!

Короваев. А когда вернусь, то уже от вас будет зависеть, будем ли мы с вами иметь дела! Я всегда готов. Но закупка у меня в нынешнем году маленькая: здесь не может быть больших закупок. От пристаней далеко. Можно покупать лишь на столько что-

бы не подымать цены, — не искать, а пока упрасивают: «сделай милость, возьми». Но если вам угодно начать со мною дело, я очень рад. Купить все из одних рук, — тем меньше хлопот.

Хоненев. Да... Итак, вы, пожалуйста, ко мне первому (*протягивает руку*).

Короваев (*берет*). Извольте.

Хоненев. Я так и буду ждать. — А вы, как видно, занимались изучением торгового положения здешнего края?

Короваев. Благодаря начальству, прожил здесь много лет.

Хоненев. Были присылаемы на казенный счет для изучения здешнего края?

Короваев. Нет. В пятом классе гимназии побил инспектора. Выгнали. Вернулся на родину. Прожил четыре года, поехал в Москву, в университет. Пробыл там год, случилась студенческая история. Выгнали. Вернулся на родину, прожил два года. Думал — забыли; поехал в Москву. Не забыли; не приняли. Не допустили б и до экзаменов, если б явился. Предвидя это, я и не являлся. Прожил два года, прожился. Тогда растолковал одному приятелю, приятель написал Скараманге, что я хорошо знаю этот край, благодаря начальству...

Хоненев (*хохочет*). Благодаря начальству — ха, ха, ха!.. Благодаря начальству, — ха, ха, ха!..

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же, Елена Михайловна.

Елена Михайловна. Идите туда закусывать: у меня довольно прислуги; и козачок, и лакей, и горничная, но, по обыкновению, некому подать закуску: горничная пропала, лакей на ногах не стоит, козачок измарался так, что в два часа не отмоется. А сама столбовая дворянка не может подать. Идем же. (*Берет Короваева под руку.*)

Хоненев (*встает*). Елена Михайловна, вы знаете: благодаря начальству!

Елена Михайловна. Что такое?

Хоненев. Ха, ха, ха! это очень мило: благодаря начальству, Елена Михайловна!..

Идут направо: Короваев и Елена Михайловна под руку, впереди; Хоненев за ними; сзади Зиновьев.

ЯВЛЕНИЕ 6

Зиновьев, Парадизов.

Парадизов (*просовывается в дверь из передней, когда Елена Михайловна и Короваев ушли, а Хоненев уходит*). Кхе, кхе (*слегка кашляет*).

Зиновьев (*оглядывается, останавливается*).

Парадизов (*входя*). Что, братец ты мой, какво?

Зиновьев. Хорошо, Семен Клементьич.

Парадизов. То-то же!

За сценою опять рев и хохот Хоненева: «Благодаря начальству, ха-ха-ха!»

Парадизов. А где Горбылев?

Зиновьев. Чать тут где-нибудь. Уж и бог его знает, как он это видит: чуть экипаж чей к воротам, он уж и тут, — глуп, глуп, а понимает, что после гостей останется ему доедать что-нибудь хорошее. — Ну, ты извини, Семен Клементьич: мне надо туда.

Парадизов. Не держу. Мне только про Горбылева-то. (*Зиновьев идет направо.*) Дверь-то за собою притвори, да не совсем.

Зиновьев делает так. Парадизов подкрадывается к щелке, заглядывает и прислушивается.

За сценою рев и хохот Хоненева: «Благодаря начальству, ха-ха-ха!» Парадизов при этом реве сострадательно качает головой и сладко улыбается. Опять прислушивается. Вдруг отбегает.

Я В Л Е Н И Е 7

Парадизов, Короваев.

Короваев (*быстро входя*). Чем вы здесь занимаетесь?

Парадизов. Дожидаюсь хозяина. Больше ничем не занимаюсь.

Короваев. Кто вы такой?

Парадизов. Неужели не вспомните Парадизова, Семена Клементьича, Сергей Васильич? — Давно, а видывались частенько.

Короваев (*перемняя тон*). А! И узнал бы вас, если б ожидал, что могу увидеть вас опять здесь. Но я слыхивал в Москве, как прекрасно вели вы свои дела. Как же вы смогли расстаться с первопрестольною, Семен Клементьич?

Парадизов (*вздыхая*). Зависть злых людей.

Короваев (*треплет по плечу*). Понимаю, Семен Клементьич, злобу человеческую. Сам страдал за правду. Что же, значит: как в Пензе, в Симбирске, в Саратове, в Тамбове, так и в Москве: злые люди выхлопотали запрещение быть ходатаем?

Парадизов (*возводя глаза к небу*). Хуже! В Москве люди еще злее. Суди между ними и мною царь небесный! Я прощаю: но он, правосудный, не простит! В те разы хотя частицу спасал от алчных! В Москве, Сергей Васильич, до последней нитки обобрали, до последней! Вот как перед богом, так и перед вами говорю: приехал сюда, рубль восемьдесят одна копейка осталась! И невзирая на все эти пожертвования, пасквиль такой наложили, какого никогда на себе не имел и не перенес бы, если бы не подкрепил сам господь силу моего духа!

К о р о в а е в. Сердечно сожалею, Семен Клементьич. Что же вы теперь думаете?

П а р а д и з о в. Вот, желаю быть отрекомендован от Михаила Петровича Леониду Александрычу, не поручит ли мне каких делишков. Да вы ему нужный человек, Сергей Васильич? По-рекомендуйте, сделайте божескую милость.

К о р о в а е в. С удовольствием, Семен Клементьич. Все, что могу; потому что сам страдал, знаю. Не могу ли быть полезным еще чем-нибудь?

П а р а д и з о в. Об этом покорнейше прошу вас, Сергей Васильич: отрекомендуйте Леониду Александрычу.

К о р о в а е в. Только об этом?

П а р а д и з о в. Больше ничего не желаю, Сергей Васильич. Другого ничего не имею в виду, как перед богом.

К о р о в а е в. А что, если я скажу вам, Семен Клементьич: услугу за услугу? — Я вас рекомендую Хоненеву, а вы мне помогите и Михаила Петровича: деньги-то у него лежат даром, хоть и небольшие, но все же лучше бы пустить их в оборот; не правда ли? Как вы об этом думаете?..

П а р а д и з о в (*складывая руки*). Сергей Васильевич, помилуйте, как перед богом, чиста моя душа от такой мысли!

К о р о в а е в. Когда с вашей стороны нет дружеской откровенности, Семен Клементьич, то извините. До приятного разговора. (*Уходит.*)

П а р а д и з о в (*вслед ему*). У, bestия! В душу хотел влезть, аспид! (*Опять начинает заглядывать и прислушиваться, но осторожнее.*)

За сценою опять рев и хохот Хоненева: «Благодаря начальству, ха-ха-ха!»

Я В Л Е Н И Е 8

П а р а д и з о в, Г о р б ы л е в.

Г о р б ы л е в (*крадется из передней, нюхая и облизываясь, и потихоньку рычит*). М-э-э-м...

П а р а д и з о в (*оглядывается; отходит к нему*). А, это ты, Максимушка! А мне тебя-то и надо. Сладко пахнет?

Г о р б ы л е в (*ухмыляется*). Сладко-с.

П а р а д и з о в. А о пензенских-то трактирах слыхивал, Максимушко?

Г о р б ы л е в. Как же-с; всегда слушаю, когда про них рассказывают. (*Ослабляется еще шире.*)

П а р а д и з о в. Как же в них пахнет? Поди, чать еще слаще?

Г о р б ы л е в. Еще слаще-с! (*Переминается от живости воображения.*)

П а р а д и з о в. А не хочешь ли ты, Максимушко, пожить в Пензе месяц, другой, в тамошних трактирах и завтракать, и полдничать, и обедать, и ужинать, сколько в брюхо влезет?

Горбылев. Как бы не хотеть-с.

Парадизов. Это можно. Ты человек не глупый, так ли?

Горбылев. Так-с.

Парадизов. Мне такие люди надобны. Пошлю тебя в Пензу, по моим делам. Дам тебе, кроме прогонов, семьдесят пять рублей вперед.

Горбылев. Давайте-с. А дела-то какие же? Я здесь никакими делами не утружден-с; только жалованье беру-с. А впрочем, я всякие могу делать-с, лишь бы не много-с. Потому что у меня здоровье слабое-с. Все говорят: «Нежная комплекция», — даже смеются-с. А мне-то и на руку-с, делов-то не делать-с.

Парадизов. Это дело будет не во вред комплекции, Максимушко. Только ходить по трактирам, куда я сам приеду. Да и после то же.

Горбылев. На это я согласен-с.

Парадизов. Ладно. Так ступай теперь на кухню, пока понадобится. А теперь мне тут надо побыть одному. У меня дело.

Горбылев. Хорошо-с. (Уходит.)

Парадизов занимается прежним. Отскакивает и торопливо, на цыпочках, скрывается в кабинет.

ЯВЛЕНИЕ 9

Хоненев, Зиновьев, Елена Михайловна, Короваев.

Хоненев. Итак, до свиданья, Елена Михайловна. Денька через четыре поеду в Симбирск; хоть не по пути, нарочно заеду и тогда посижу.

Елена Михайловна (весело, дружески). Заезжайте, Леонид Александрыч.

Хоненев уходит, Зиновьев провожает его.

ЯВЛЕНИЕ 10

Елена Михайловна, Короваев.

Короваев. А действительно, добрый малый этот индюк.

Елена Михайловна. Сережа, как тебе не стыдно было насмеяться над ним?

Короваев. Что ж за грех, душа моя, когда он и не воображает, что над ним смеются?

Елена Михайловна. Нет, Сережа, мне было жаль его. Правда, он не очень умен, но он благородный человек. Вот я расскажу тебе, как мы познакоми...

Короваев (перебивая). А знаешь ли что, Леночка, пойдём-ка мы с тобою прокатиться, а? — Часа два еще ждать обеда: успеем прокатиться до Липовой Горы.

Елена Михайловна. Счастливая мысль, Сережа.

Короваев. На дороге ты мне все и расскажешь.

Елена Михайловна. Прекрасно, Сережа. Бегу, велю запрягать (*убегает направо*).

Короваев (*запускает руки в карман и ходит, посвистывая*).

ЯВЛЕНИЕ 11

Короваев, Зиновьев.

Зиновьев (*возвращаясь*). А, так вот как вы устроились, Сергей Васильич! Слава богу!

Короваев. Покуда особенно благодарить его еще не за что. Агентство неважное. Разве завести здесь крупчатку, на крупчатой муке дальность провоза может наверстаться. Но то, когда еще будет. А теперь — с процентными и со всем тысячи полторы рублей, не больше. Столько-то можно бы получить и в Москве. Я сюда больше по старой памяти. А очень рад и за Леночку, Михаил Петрович. Что, нет у вас тут других таких девушек? Ей-богу, женился бы, как бы нашлась такая милая. Да найдется! Были бы глаза, порядочную девушку можно найти. Пока не испорчены старшими, многие очень милы. А — кстати о старших! (*Нарочно громче.*) Как вы пускаете к себе этого мерзавца Парадизова? Берегитесь, пока меня нет: не обчистил бы он вам карманы! Когда вернусь...

ЯВЛЕНИЕ 12

Те же, Парадизов.

Парадизов (*кашляет и входит с очаровательной улыбкой*).

Короваев. Вот, кстати. Мы именно о вас и говорили, Семен Клементьич, — вы не слышали?

Парадизов. Нет, не слышал.

Короваев. Ну, я очень рад: потому что мало ли что говорится о человеке за глаза? В глаза довольно будет сказать одно: если я, возвратившись из поездки, о которой вы слышали?

Парадизов. Слышал-с.

Короваев. Как же вы слышали? от кого? когда? — Ну-с, хорошо; я говорю: если я, вернувшись, узнаю, что вы запускали руку в карман Михаилу Петровичу, то согну вас в бараний рог, будьте на этот счет спокоен. Вы слышали, я здесь по делам от миллионеров; вы человек опытный, должны понимать, что позиция будет на моей стороне, а не на вашей.

Парадизов (*подымая руки к небу*). Помилуйте, Сергей Васильич! Истинным богом моим свидетельствуюсь, что напрасно вы вооружились против меня. Как младенец в утробе матери, так я чист перед Михаилом Петровичем! Божбе моей не верите, спросите у самого Михаила Петровича. Михаил Петрович, скажи!

Зиновьев (*мнется*).

ЯВЛЕНИЕ 13

Те же, Елена Михайловна.

Елена Михайловна. Лошади готовы; едем, Сережа (уходит с Коровьевым).

ЯВЛЕНИЕ 14

Парадизов, Зиновьев.

Парадизов (складывая руки ладонями). Изобидел! Изобидел! Аз же, яко глух, не слышах, и яко нем, не отверзох уст моих во пререкание! Помяни, господи, кротость мою, егда приидеши во царствии своем. (Жалобно.) И тебе не грех, Михаил Петрович, не заступился.

Зиновьев (мнется).

Парадизов. Я против тебя имею виды! Прошу ли я у тебя копейку? При всей недостаточности моей, не я ли вхожу в расходы для твоей пользы? На одних почтальонов уже восемнадцать рублей вышло. Сам знаешь, не прихватываю: три письма от него своими глазами ты видел. Горбылева теперь посылаю в Пензу — семьдесят пять ему в руки, кроме, кроме прогонов. Это что? — уже за сотню! А впереди-то сколько может быть еще? Ничего не требую. Будешь благодарен — твоя воля. Не будешь — помянется мне на том свете доброе дело. Кликни Горбылева-то.

Зиновьев (вздыхает и молчит).

Парадизов. Что?

Зиновьев. Семен Клементыч, совестно как-то.

Парадизов. Чего совестно?

Зиновьев. Перед Леночкойю.

Парадизов. Да ты о чьей пользе заботишься? о своей или для нее? Кого хочешь замуж-то выдать, себя или ее? Ей миллионы предоставляешь; а тебе самому какая прибыль?

Зиновьев. Это так; для нее, не для меня.

Парадизов. Ну так что же?

Зиновьев (молчит).

Парадизов. Сколько ей лет-то?

Зиновьев. Восемнадцать.

Парадизов. Что она может понимать?

Зиновьев. Это-то оно так.

Парадизов. Отец ты ей, или нет?

Зиновьев. Это, конечно: должен заботиться.

Парадизов. Войдет в рассудок, проклинать тебя будет, что не сделал ты этого! — Зови Горбылева-то.

Зиновьев. Покажи.

Парадизов. Читай (подает четвертушку серой бумаги).

Зиновьев (читает отдельными фразами, с перерывами)... «Леонид Александрыч сделал предложение»... «Она своему слову изменить не хочет»... «Михаил Петрович утешает ее, говорит,

с вами будет счастливее, пусть не плачет»... «Она со дня на день все больше плачет»... «Приезжайте поскорее, а то она даст слово Леониду Александровичу».

Парадизов. Ну, чем не хорошо?

Зиновьев. Оно точно; так хорошо, как я и не думал.

Парадизов. Ну, зови Горбылева-то.

Зиновьев (молчит и мнется).

Парадизов. Ну, что же?

Зиновьев. А как обнаружится?

Парадизов. Затем и отсылаю его в Пензу, чтобы не могло обнаружиться. Ну, как оно обнаружится? Я сказал тебе: никак не может.

Зиновьев. Оно точно не может. Ну, а все-таки, если обнаружится?

Парадизов. Экий ты человек, Михаил Петрович!

Зиновьев (вздыхает и молчит).

Парадизов. Ну, пускай и обнаружится, хоть и не может. Пускай! А тебе-то что? Не ты писал, Горбылев. Твое дело тут сторона. Ты и знать-то не знал.

Зиновьев. Да он знает, что Горбылев дурак.

Парадизов. И тем лучше. Божий человек, без хитрости; да и к дочери-то твоей привязан; да и к Свиридову-то. Какое же тут может быть сомнение у Свиридова. Так ли? Какое же может тут быть сомнение у Свиридова. А к тому же времени и депеша от тебя придет, то и вовсе не может оставаться никакого сомнения. Ну, и придет отказ: «не стесняю».

Зиновьев. Ну, вот видишь: депеша от меня будет, — как же я-то в стороне?

Парадизов. Да было ли тебе говорено или нет? Мною, не тобою будет послана депеша. Я злоупотребил твоим именем, только и всего. Ты знать не знал.

Зиновьев. Так-то оно так.

Парадизов. Ну, зови.

Зиновьев (молчит и вздыхает).

Парадизов. Ну что же?

Зиновьев. А как обнаружится?

Парадизов. Не человеком быть надо, ангелом, чтобы с тобою говорить, Михаил Петрович!

Зиновьев. Да оно так; а ежели выйдет не так?

Парадизов. Как оно выйдет не так, что?

Зиновьев. А как он не придет отказа, а поедет сюда, по моему зову.

Парадизов. Михаил Петрович, образумься. Было говорено об этом. Понимаешь сам, пустое говоришь.

Зиновьев. А как приедет?

Парадизов. Как он может приехать? Не понимаешь ты его, что ли? Даже лучше напишешь, нежели я тебе предрекаю.

Потому это такой народ: как ты ни понимай его, а он еще дальше твоих мыслей хватает. Потому, понятия о благородстве у него совсем не те.

Зиновьев. Хорошо, когда бы так вышло, как ты говоришь.

Парадизов. А как же не выйдет-то? Семен Клементьич что обещает, значит верно. А как же не выйдет-то? Всегда мои слова оправдываются. Ты вспомни: ты вздумал попробовать, не расстроишь ли их, отказавши в приданом. Я тебе говорил: «не подействует». Ну что же? Подействовало? Только обнялись крепче, как, может, и не обнимались. Видишь, ты своими мыслями только вредил самому себе. А я тебе сказал: «отдавай все свое состояние, не бойся, не возьмут, а подействуют в твою пользу», — и подействовало.

Зиновьев. Это точно.

Парадизов. То-то же. Семен Клементьич знает, где с какой стороны ударить, как с каким человеком поступить. Потому у него всегда, что обещано, то и выходит; даже лучше обещанного.

Зиновьев. Хорошо, как бы так.

Парадизов. Как же не так-то? Сейчас то что было? Я тебе обещал только: зови Хоненева, не откажется, а он, вишь ты, хочет каждый раз заезжать, и нарочно крюк делает; так или нет? Не тебе его ловить, сам липнет и уже прилип. Так ли?

Зиновьев. Это так.

Парадизов. То-то же. Опять я тебе говорил: она фыркать не будет, примет это учтиво, а она к нему даже с ласкою, так ли?

Зиновьев. Это точно.

Парадизов. То-то же! У Семена Клементьича всегда лучше того выходит, что он обещает, потому что его слова самые осторожные. Зови Горбылева-то.

Зиновьев (молчит).

Парадизов. Эх, человек! Чего ты боишься-то?

Зиновьев (вздыхает и молчит).

Парадизов. Эх, люди, люди! (Вздыхает, идет к двери в переднюю и кричит.) Максимушко! Тут, что ли? (За сценою голос Горбылева «тут» и топот его, бегущего.)

ЯВЛЕНИЕ 15

Те же, Горбылев.

Парадизов (вынимая бумагу в лист). Вот и просьба о твоём отпуске, Максимушко, ехать в Пензу, подписывай.

Горбылев (садится, подписывает... Встает).

Парадизов (вздыхая). Максимушко, ты видишь, что тут делается?

Горбылев. Вижу-с.

Парадизов. Хоненев повадился сюда ездить, отобьет Елену Михайловну у Илиодора Николаича.

Горбылев. Отобьет-с.

Парадизов. Хорошо ли это будет? Видишь, Михаил Петрович точно убитый от этого? Жаль ему Илиодора-то Николаича.

Горбылев. Жаль-с.

Парадизов. И тебе жаль, Максимушко?

Горбылев. И мне-с; потому что он хороший человек и подарил мне 25 рублей-с.

Парадизов. Надо предупредить его, чтобы он поскорее приехал.

Горбылев. Надо-с.

Парадизов. Так ты напиши ему.

Горбылев. Что же-с?

Парадизов. Да вот, садись-ко, пиши (*подкладывает четвертушку и почтовую бумагу*). Видишь, и Михаил Петрович желает.

Горбылев (*садится*).

Занавес падает.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Через две недели.

Та же комната.

ЯВЛЕНИЕ I

Зиновьев, сидит, курит трубку, озабоченный. Входит Парадизов.

Парадизов. Ну, что дочь?

Зиновьев. Слава богу. Вчера вечером даже книжку читала.

Парадизов. То-то же. Я тебе говорил: как рукой снимет. Значит, она и выехать кататься может.

Зиновьев. Может.

Парадизов. Тем и лучше. Так вели-ко своих гнедых-то запрягать поскорее, да увози ее, чтобы мне свободнее поговорить с ним. Он с минуты на минуту здесь будет. Хоненев-то.

Зиновьев. Да зачем увозить-то ее?

Парадизов. Сказал я тебе: чтобы мне с ним свободнее переговорить. Да ступай ты, Христа ради, вели лошадей-то закладывать. После расспросишь; и сам расскажу.

Зиновьев (*уходит; возвращается*). Как же ты будешь говорить с ним?

Парадизов. — А вот как, Михаил Петрович: при его гордости, скоро ли можно это сделать, чтобы он сказал тебе, чего ты желаешь?

Зиновьев. Это я понимаю, Семен Клементьич. При его гордости надобно время. Хоть бы в месяц, как ты обещал, и то хорошо.

Парадизов. Так?

Зиновьев. Так.

Парадизов (торжественно). Слушай же мои слова, Михаил Петрович: уедешь ты с нею прокатиться, вернешься через часик времени и услышишь ты от него, чего желаешь.

Зиновьев (в восторге и неверии). Ну, будто так?

Парадизов (протягивая ему руку). Вот тебе моя рука!

Зиновьев. Да неужто можешь так скоро?

Парадизов. Мое слово верно. И больше того сделаю, что обещаю. Но то пусть будет тебе в приятную неожиданность. Вперед говорю только: вернешься ты через часик времени, услышишь от него, чего желаешь.

Зиновьев. Будет он у меня руки Леночкиной просить? формальное предложение сделает?

Парадизов. Так. Да лошади-то не готовы ли? (Уходит; возвращается; садится.) Ну, друг, сейчас будут готовы. Сам ты человек умный, учить тебя нечего, как тебе с ним держать себя: сам понимаешь, отказом ты огорчен; от него и не ждешь предложения.

Зиновьев. Конечно, так. И виду ему не покажу.

Парадизов. Так. (Погружается в грустное размышление). Эх, молодость, молодость! Судит по наружности! По наружности человек не понравился и ненависть к нему, и прячась от нее, когда для нее же стараешься. (Вздыхает.) Ну, да поймет со временем, кому больше всех, после отца, обязана своим счастьем. Будет благодарна. (Встает.) Зови ее, чать лошади-то уже готовы. (Уходит в кабинет.)

Зиновьев (кричит). Леночка!

ЯВЛЕНИЕ 2

Зиновьев, Елена Михайловна.

Елена Михайловна (убитая горем. Движения медленны. Голос безжизненный). Вы звали меня, папаша? Или мне так показалось?

Зиновьев. Звал, душа моя Леночка. А у тебя в головке-то еще шум, видно? Болит головка?

Елена Михайловна. Немножко, папаша.

Зиновьев. Тебе надо развлечь себя, душа моя Леночка.

Елена Михайловна. Хорошо, папаша.

Зиновьев. Не хочешь ли прокатиться? Я и лошадей велел запретить.

Елена Михайловна. Хорошо, папаша.

Зиновьев. Так бери шляпку. (Елена Михайловна уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 3

Зиновьев, Парадизов.

Парадизов (*просовывается. Шопотом*). Видишь? Что ты, то и она. На все согласна.

Зиновьев. Это точно.

Парадизов. Без упрямства.

Зиновьев. Это так.

Парадизов. То-то же. Я тебе говорил. От нее сопротивление не будет. (*Прячется.*)

ЯВЛЕНИЕ 4

Зиновьев, Елена Михайловна, в шляпе и верхнем платье.

Зиновьев. Готова, душа моя Леночка? И прекрасно. Пойдем (*Уходят.*)

ЯВЛЕНИЕ 5

Парадизов (один садится, вынимает бумаги, пересматривает, но рассеянно, беспрестанно прислушивается, склоняясь к стороне окон. Прячет бумаги и становится).

ЯВЛЕНИЕ 6

Парадизов, Хоненев.

Хоненев (*входит*). А, это вы? Где же наши добрые хозяева?

Парадизов. Сейчас будут, Леонид Александрович. Вы изволили слышать? Жених отказался.

Хоненев. Не может быть! (*Садится.*) Неужели отказался?

Парадизов. Так точно, Леонид Александрыч. Четвертого дня Михаил Петрович и Елена Михайловна получили от него по письму. Чистый отказ, Леонид Александрыч. Наотрез.

Хоненев. Я душевно огорчен. Впрочем, этого и следовало ожидать.

Парадизов. Так точно, Леонид Александрыч. Следовало ожидать, если вы так изволите говорить.

Хоненев. Я только молчал, чтобы не тревожить дурными предвещаниями, может быть напрасными; потому что и умнейший из нас может ошибаться, не правда ли?

Парадизов. Так точно, Леонид Александрыч; но умные люди редко ошибаются.

Хоненев. Совершенно согласен. Тем не менее, скажу: душевно огорчен. Да что же вы стоите? Садитесь, пожалуйста.

Парадизов. Покорнейше благодарю, Леонид Александрыч. (*Садится.*)

Хоненев. Как же, столько времени не писал; обратили ли вы внимание на это обстоятельство?

Парадизов. Не пришло в голову, Леонид Александрыч. А теперь, по вашим словам, вижу.

Хоненев. Обращу ваше внимание на другое обстоятельство: сколько мне известно, человек низкого происхождения всегда носит печать неблагородства в чувстве своего ума, или, можно сказать, в понятиях своего чувства. — Он, я полагаю, или из мелких дворян, или из чиновничьих или купеческих детей; чего ж вам еще? — Этого довольно и предовольно. От людей подобного происхождения странно было бы ждать благородных поступков.

Парадизов. Точно так, Леонид Александрыч. Потому я, как имею уважение к Елене Михайловне, душевно сожалел о таком выборе.

Хоненев. Да. Но она, я полагаю, совершенно убита?

Парадизов. Расстроена, Леонид Александрыч. Но впрочем, гораздо меньше, нежели можно бы полагать, не зная истинной причины.

Хоненев. А истинная причина, по вашему мнению, состоит в чем же?

Парадизов. Как я человек мало известный вам, Леонид Александрыч, и потому...

Хоненев. Совершенно согласен. Теперь помню даже, что не знаю, кто вы такой.

Парадизов (*вставая*). Отставной коллежский секретарь, Парадизов.

Хоненев. А! Прекрасно. Да садитесь. Что стоять-то?

Парадизов. Покорнейше благодарю, Леонид Александрыч. (*Садится.*) При такой малой известности моей, и потому не могши удостоен быть вашего доверия, должен я заслужить его...

Хоненев. Совершенно согласен.

Парадизов (*продолжая*)... полною с моей стороны открытостью. Как не может быть, чтобы вы не видели этого, Леонид Александрыч, именно истинных чувств ее, то есть... Елены Михайловны (*поглядывает ему в глаза, выжидая*).

Хоненев. Мм-да.

Парадизов (*продолжая*)... относительно вас, Леонид Александрыч, именно, что ее мысли после знакомства с вами переменились и он, т. е. жених, это видел, и потому, что ж ему оставалось? — то есть, как на счет его отъезда, так и самого отказа?

Хоненев — Мм-да!... (*вынимает сигару, вертит, зажигает, курит и вертит*). Мм-да!

Парадизов. И как вы не могли не видеть этого, Леонид Александрыч...

Хоненев. Совершенно согласен.

Парадизов. Но как я человек мало известный вам, то и не мог я пользоваться вашим доверием в разговоре.

Хоненев. Так. Согласитесь, мог ли я говорить?

Парадизов. То и желаю заслужить ваше доверие, как показавши вам, что мне все это известно, именно, что причина самого отъезда была в этом и что отец говорил ей: «Ты дала слово Илиодору Николаичу Свиридову, и должна соблюсти», и она, как девушка благородная...

Хоненев. Совершенно согласен.

Парадизов... отвечала отцу, что, я, милый батюшка, должна свое слово соблюсти, хотя бы и была оттого несчастна. И хотя бы она соблюла свое слово, чем же могло это кончиться, Леонид Александрыч, если молодая женщина, вышедши замуж, видит человека, более заслуживающего? — то есть, относительно мужа. И какое же это будет положение?

Хоненев. Мм-да.

Парадизов. И он, как человек с понятием, видит: где же ему против вас? — не может. И потому не могу ничего другого, как возратить ей свободу. И как вы теперь видите, Леонид Александрыч, что мне все это известно, то позвольте быть откровенному с вами, потому что имею к ней полное мое уважение за ее понятие о вас, именно, как вы сами изволили сказать, что эта самая благородная девушка. *(Ждет, глядя в глаза.)*

Хоненев. Совершенно согласен. *(Вертит сигару.)* Совершенно согласен. *(Молчит. Мычит, начиная понимать, и потом, важно.)* Мм-да. Совершенно согласен. Тем не менее прибавлю: неужели она рассчитывает, что ей удастся, чтобы я женился на ней?

Парадизов. Я даже не могу правильно понять этого, Леонид Александрыч, то есть, в каком смысле вы изволили сказать; как человек небойкого ума не всегда может понимать. Потому, имею смелость просить вашей помощи.

Хоненев. Извольте. Прежде всего, я спрошу вас: кто я и кто она?

Парадизов. Это точно, Леонид Александрыч.

Хоненев. И потому, спрошу вас: могу ли я жениться на ней? Это было бы, как бы смешать золото с грязью, не правда ли?

Парадизов. Истинно изволили сказать, Леонид Александрыч. Но как вы сами изволили выразиться, что она девушка с самыми благородными чувствами, то она не могла бы думать от этом, Леонид Александрыч; так я вижу. Только отец мог не понимать, что ее мысли о вас самые благородные, как он дурак, потому и противился влечению ее души. А она, Леонид Александрыч, очень правильно чувствует, кто вы и кто она, и какая это честь пользоваться вашею любовью. И я не могу, Леонид Александрыч, осуждать, что у нее такое чувство к вам.

Хоненев. Вы понимаете правильно. Этого нельзя осуждать.

Парадизов. И как вы могли полагать, что я говорю с вами как бы со стороны ее отца, потому и должны были так со мною говорить; но когда вы позволили мне объяснить, что я собственно по моей жалости к чувству благородной девушки, как при нынешнем ее душевном состоянии, которое вам известно лучше, нежели кому-нибудь, именно, что она сначала испугалась по своей неопытности, да и привыкла любить жениха, а потом стала понимать, и хотя теперь огорчена его отказом, но как это лишь от привычки и должна она скоро успокоиться и быть этому рада, и как вам известнее...

Хоненев. Позвольте, я объясню вам. В ее сердце или, можно сказать душе, была любовь. Потом она пристрастилась ко мне. Но к прежнему была привычка и, сверх того, прошу вас обратить внимание на одно обстоятельство: она молода и неопытна; потому, в ее душе борются два чувства: одно, которое с каждым днем уменьшается, а другое, которое с каждым часом растет, и потому, хоть она не могла не огорчиться, но это скоро пройдет...

Парадизов. И ее отец хочет мешать ее счастью только потому, что вы не можете жениться на ней. Друг он мне; но скажу — дурак.

Хоненев. Поэтому и мешал счастьем дочери. Человек не дальнего ума; этим все сказано.

Парадизов. И как вы теперь видите, Леонид Александрыч, что я по жалости к благороднейшей девушке, то неужели это можно допустить, Леонид Александрыч, что вы позволите ему губить ее, — именно, что от глупой жестокости родителей эти примеры нередки, что девушка может даже умереть? Не могу я так судить о вашей душе, Леонид Александрыч. Чтобы когда-нибудь вы могли поступать с подобными ему дураками иначе, нежели они того заслуживают, именно, что с глупым человеком не спорить, а говорить ему, как того требует его глупость, лишь бы не мешал счастьем дочери, как у вас и должны были быть подобные случаи, когда вы изволили служить в лейбгусарах, именно что с дураками поступать как с дураками.

Хоненев. С дураками и нельзя поступать иначе, как с дураками.

Парадизов. Отвести ему глаза, Леонид Александрович? Так я понимаю?

Хоненев. Так.

Парадизов. Это значит, я правильно понял вашу мысль, Леонид Александрыч: дать ему денег под каким-нибудь предлогом, хоть бы на завод коней, что ли, сказавши, ему, как он желает по своей глупости. — Так ли я понял ваш намек, Леонид Александрыч: отвести ему глаза?

Хоненев. Вы поняли правильно.

П а р а д и з о в. И вы полагаете, Леонид Александрыч, как я сужу по вашим словам, что с ним все это можно сделать теперь же, а с нею объяснить, когда ее расстройство пройдет, значит, через денек или два; осмеливаюсь спросить: не рано ли это будет, через денек или два, Леонид Александрыч?

Х о н е н е в. Это мы посмотрим. Но я думаю, денька через два не будет рано. Согласитесь — это огорчение должно скоро пройти. Так я сужу по моей опытности. Когда я служил в лейб-гусарах, были подобные случаи. И в особенности, одно происшествие совершенно такое же. Тоже девушка с самыми правильными понятиями ума и, можно сказать, сердца... (*Парадизов вскакивает.*) Что такое?

П а р а д и з о в. Возвращаются, Леонид Александрыч. Чтобы он не заметил, Леонид Александрыч, меня в разговоре с вами. (*Идет в кабинет.*)

Х о н е н е в. Как же вы спрячетесь-то? Там есть дверь?

П а р а д и з о в. Через окно придется, Леонид Александрыч (*скрывается.*)

Х о н е н е в (*вслед ему*). Вот как, по-гусарски, через окно!

Я В Л Е Н И Е 7

Хоненев, Елена Михайловна, Зиновьев.

Х о н е н е в. Елена Михайловна, как ваше здоровье?

Е л е н а М и х а й л о в н а (*жмет ему руку*). Благодарю вас, добрый Леонид Александрыч. Я совершенно здорова. Как вы поживаете? Проголодались? Сейчас будет готова закуска. (*Уходит.*)

Я В Л Е Н И Е 8

Хоненев, Зиновьев.

Х о н е н е в (*пожимая руку Зиновьеву и садясь*). Скажите, Михаил Петрович: мне кажется, Елена Михайловна несколько опечалена; — чем?

З и н о в ь е в (*садясь*). Отказался жених. (*Вздыхает.*) Такой прекрасный человек, казалось! Уж как я был рад за Леночку! Вы сами видели мою радость, Леонид Александрыч. И вдруг такое происшествие! Совсем убило меня! (*Вздыхает и опускает голову.*)

Х о н е н е в. Что же, разве для Елены Михайловны не может найтись жених и гораздо лучше?

З и н о в ь е в. Где же, помилуйте, Леонид Александрыч?

Х о н е н е в. Что вы скажете, например, обо мне?

З и н о в ь е в (*в виде крайнего изумления выпяливает глаза и молчит*).

Х о н е н е в (*добродушно*). Я спрашиваю, Михаил Петрович: что вы скажете, например, обо мне, если бы я представился вам в качестве жениха?

Зиновьев (будто не веря своим ушам). Как вы изволили сказать, Леонид Александрыч? Я, должно быть, ослышался?

Хоненев. Нисколько.

Зиновьев. Господи, творец небесный! (Всплескивает руками, забывая внушенную роль.) Благодаря тебе, создатель милосердный. (Кричит.) Леночка! (Бросается обнимать Хоненеву.)

Хоненев (обнимая и потом усаживая). Говорить с нею я сам выберу время, когда состояние ее мыслей позволит это. Как благородный человек, я не хотел оставлять вас ни на минуту в неизвестности.

ЯВЛЕНИЕ 9

Те же, входит Елена Михайловна.

Хоненев. Михаил Петрович напрасно потревожил вас, Елена Михайловна. Он только беспокоился относительно закуски, так как вы сама, конечно, не можете заглянуть на кухню...

Зиновьев. Пожалуйста, загляни сама, Леночка.

Хоненев. Никак! Вы еще не совсем здорова. Кухонный воздух может повредить вам.

Зиновьев. Ты не ходи на кухню, Леночка. В самом деле, может повредить.

Елена Михайловна. Хорошо, папаша. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 10

Хоненев, Зиновьев.

Хоненев. Вы видите, что она еще расстроена. Говорить с нею теперь было бы неделикатно. Я сам выберу время и для этого поживу здесь в городе денек, два, — как там будет надобно. Теперь я хотел только не оставлять вас ни на минуту в неизвестности о моих намерениях. И как будущему родственнику, мне должно быть с вами без церемоний. Вы позволите?

Зиновьев. Помилуйте, Леонид Александрыч. Какие же тут церемонии.

Хоненев. Я ехал на именины князя Ивана. Там будет игра. Я хотел держать банк, по их просьбе, как у них меньше средств, и взял с собою 25 000. Но как теперь остаюсь, не еду, то деньги оказываются лишним бременем для меня. Согласитесь, я не могу допустить, чтобы мой тесть продолжал жить не соответственно будущему имени своей дочери. Прошу вас (подает ему пачку). Эта незначительная сумма...

Зиновьев (пряча руки). Помилуйте, Леонид Александрыч!

Хоненев. Между нами не может быть церемоний или мы поссоримся. (Берет его руки и насильно отдаст деньги.)

Зиновьев. Леонид Александрыч! Право, я не знаю, как и благодарить вас.

Хоненев. Никак. Эта незначительная сумма — начал я — недостаточна для цели, которую я указал. Но, к сожалению, это все, чем я могу располагать в настоящую минуту. Через несколько дней дам вам средства более соответственные. Когда вы ждете сестрицу с бородой? (*Хочет, Зиновьев вторит.*)

Зиновьев. По времени, как он говорил, ему следует быть дня через три, через четыре, Леонид Александрыч.

Хоненев. Сестрица с бородою! (*Хочет; Зиновьев вторит.*) Хотела быть у меня у первого для покупок. Она облегчит у меня свои карманы, и тогда вы не откажетесь принять от меня еще пятьдесят тысяч. Будем молиться богу, чтобы скорее приехала сестрица...

ЯВЛЕНИЕ 11

Те же, Елена Михайловна, в дверях.

Елена Михайловна. По обыкновению, некому подать закуску, добрый Леонид Александрыч. Идите сам сюда. (*Идет обратно. Хоненев за нею. Зиновьев хочет идти за ним. Но из кабинета выходит Парадизов, на цыпочках бежит, кашляет, чтобы остановить Зиновьева.*)

ЯВЛЕНИЕ 12

Парадизов, Зиновьев.

Парадизов (*тихо*). Кхе, кхе. (*Зиновьев останавливается.*) Получил?

Зиновьев. Да, Семен Клементыч. Буду благодарен тебе.

Парадизов. Когда?

Зиновьев. Вот, кончив все это дело.

Парадизов. Так-то, друг?

Зиновьев. Так.

Парадизов. Нет, милый друг, не так. Давай-ко сюда, что получил. Тебе обещано еще вдвое. Я тебя не обижаю.

Зиновьев. Двадцать пять тысяч дать тебе? В своем ли ты уме, братец?

Парадизов. В своем, друг ты мой. Я свел, я могу и развести. Словечком одним, в момент. Войду к ним туда, скажу ей, как дело было — удержишь ты ее? Злодеем своим назовет тебя, уйдет из дому, пошлет по телеграфу Свиридову, — так ли?

Зиновьев (*дрожит*). Семен Клементыч... Семен Клементыч...

Парадизов. Я с тобою по-дружески, а ты со мною вот как! Нет, братец ты мой! Я многого не требую. Подавай эти,

да те восемь тысяч, которые у тебя в шкатулке, я и доволен. Остальными пользуйся без раздела.

Зиновьев. Семен Клементьич, помилуй. Как, и те восемь тысяч? Я-то с чем же останусь?

Парадизов. А зять-то? На-днях пятьдесят тысяч получишь. И потом сколько ты будешь получать от него. Кого ты хныканьем-то хочешь обмануть? Не своими ушами я слышал, он тебе что говорил? Чтобы жить тебе соответственно такому зятю? Это что? Мало, мало тысяч по двадцати в год будет давать.

Зиновьев. Семен Клементьевич, помилуй!

Парадизов. Нечего мне миловать-то тебя. Я тебя не обижаю. Больше бы мог требовать; но доброе сердце мое — враг мой.

Зиновьев. Семен Клементьич...

Парадизов *(идет к двери во внутренние комнаты)*. Даешь, или нет? *(Берется за ручку.)*

Зиновьев. Стой, Семен Клементьич! Иди сюда!

Парадизов. Даешь или нет?

Зиновьев. Даю, Семен Клементьич. *(Вынимает пачку.)*

Парадизов *(не спеша, отпускает ручку двери, отходит ближе к Зиновьеву)*. Иди, неси и те. *(Не спеша берет пачку, расстегивает сюртук, кладет пачку в карман, оставляет сюртук расстегнутым.)* Иди же, неси.

Зиновьев. Семен Клементьич, те — мои кровные.

Парадизов. Ну, так что? Двадцати пяти тысяч не жаль, восьми тысяч жаль! Дурак!

Зиновьев. Семен Клементьич, те — мои кровные.

Парадизов. Дурак! *(Берет его за руку, ведет к кабинету.)* Мало ли будешь получать от зятя?

Зиновьев *(упираясь)*. Да ты и после будешь все так же вытягивать из меня?

Парадизов. Дурак! Что я могу против тебя, когда они будут повенчаны?

Зиновьев. Да ты только так говоришь.

Парадизов. Дурак, ты пойми.

Зиновьев. Ну, так по крайней мере все отнимешь, что я до свадьбы-то от него получу.

Парадизов *(вынимает бумагу, разворачивает, показывает)*. Это что? — Гляди. Подорожная в Петербург. Стану я тут жить с вами, дураками. Мало поприще для моего ума; в столицу дух мой стремится. Из одной изгнали, в лучшую спешу. Когда в Москве нажил полтораста тысяч, что же в Петербурге? Там поприще шире! Туда стремлюсь. С этими деньгами и погоню всякую остановлю, и пасквиль с себя сниму. *(Кладет подорожную в карман.)* Иди же, неси.

Зиновьев. Да ты обманываешь.

Парадизов (качает головою. Сострадательно). Эх, человек! (Берет за руку, ведет к окну. Отворяет окно.) Михеич. (К Зиновьеву.) Видишь?

Зиновьев. Это точно... лошади...

Парадизов (качает головою). Дурак ты, дурак!

Зиновьев. Так и вправду уезжаешь?

Парадизов (качает головою и молчит. В окно). Сиди на облучке, не слезай. (Затворяет окно. Зиновьеву.) Ну, иди же, подавай. (Берет его за руку.)

Зиновьев. Семен Клементьич, те — мои кровные.

Парадизов (качает головою). Иди! (Ведет в кабинет. Зиновьев подвигается, упираясь.)

Зиновьев (упираясь). Семен Клементьевич... кровные...

Парадизов (успевая несколько подвигать его). Мямля ты, мямля, друг ты мой. (Подвигаются к дверям кабинета. Два удара в окно. Мгновенно Парадизов на цыпочках отбегает от Зиновьева, застегивая сюртук.) Ну, черт с тобою, мямля! (Убегает в переднюю, но в ту же секунду опять входит и стоя в двери.) Ну, поди сюда. Сердце-то у меня доброе, старая дружба заговорила.

Зиновьев (глядит со страхом).

Парадизов. Подходи скорее, некогда мне. Стуком-то этим время у меня отнято. Иди сюда, не бойся.

Зиновьев (подходит).

Парадизов. Не выпустил бы я тебя из рук, Михаил Петрович, это ты правильно понимал. Да и зятька бы твоего нареченного прибрал к рукам. Но при этом аспиде, дочери-то твоей друге, нету мне расчета оставаться здесь, — этого ты не понял, друг мой, потому и обижал меня несправедливым сомнением. Уезжаю, друг. (Вздыхает.) Слушай же. Хочу соблюсти твою пользу. Опять с минуты на минуту здесь будет аспид-то. Стуком-то этим дано мне знать, в Канадеи приехал. Ну, там люди верные; постромки будут рваться по дороге, время у тебя еще может достать. Воспользуйся. С Хоненевым сторгуйся хорошенько. Сторговавшись и выпроводьте этого аспида в хоненевские поместья, хлеб смотри. Там пусть его попридержат. Понимаешь?

Зиновьев (хлопает глазами. Похлопав). Как же ты это говоришь? Это что же?

Парадизов. Так. Зятьям разве дают выкуп за невесту? Мы не татаре, друг. У нас отцам деньги дают только, когда дочерей в любовницы берут.

Зиновьев (хватается за голову, опускаясь и раскрывая рот. Парадизов закрывает ему рот рукою).

Парадизов (заботливо закрывая ему рот). Не кричи. Она услышит. Может догадаться. Тогда ты пропащий человек.

Зиновьев (опускается на стул).

Парадизов. Друг ты мой, я и на то бил, чтоб он женился. Рыло воротит, осел. Значит, одна тебе дорога, эта самая. И если рассудишь, можешь понять: это даже и лучше для тебя. От зятьев какой доход? От дочерниных любовников какие доходы бывают — видишь.

Зиновьев. Господи, господи!

Парадизов. И честь со временем восстановится. Такие люди сразу не женятся на таких девушках; а, подержавши в любовницах, могут.

Зиновьев *(стараясь не возвышать голоса)*. Безбожник ты этакий, подлец!

Парадизов *(спокойно)*. Чего? Хочешь, крикну дочьто? — Мне теперь все равно: больше не получить. Лошади-то тут. Крикну, да и уехал.

Зиновьев *(опускает голову еще ниже)*.

Парадизов. То-то же. — Так слушай же, я по дружбе тебе говорю. Ты против меня со злобой, а я против тебя с добром. Мое-то чувство лучше, друг. — Выпроводивши этого аспида, ты ее попринудь, или штуку подведи какую, — питья сонного дай, или как там этак. Без этого, друг мой, нельзя; потому что она еще глупа.

Зиновьев *(не подымая головы)*. Как же я против совести...

Парадизов. Это, друг мой, вовсе нейдет к делу. Ты не во вред ей, а в пользу. Войдет в рассудок, благодарна тебе будет. — Ну, друг: сам ты счастлив будешь; дочь твоя и того больше; со временем и женою его сделается, если умна будет. Оба счастливы будете; помните: через мой ум счастье получили. Может быть и свидимся когда. А теперь, — ну, прощай, друг. *(С чувством жмет руку неподвижно сидящему Зиновьеву и уходит.)*

Зиновьев *(сидит, как пришибленный)*. Господи, господи! *(Кладет голову на руки.)* Господи, господи! *(Сидит так. Слышит шаги Хоненева, встает и устраивает улыбку.)*

Я В Л Е Н И Е 13

Зиновьев, Хоненев, Елена Михайловна.

Зиновьев. Какова была закуска, Леонид Александрыч? Елена Михайловна *(оживляющаяся тревогою за отца)*. Что с вами, папаша?

Хоненев. Да, что с вами, Михаил Петрович? На вас лица нет.

Зиновьев. Так, немножко стукнуло в голову, будто небольшой прилив крови. А впрочем, ничего: теперь полегче.

Хоненев. Так я позабочусь о пикнике, Елена Михайловна.

Елена Михайловна. Благодарю вас, добрый Леонид Александрыч.

Хоненев (Зиновьеву). Мы собираемся после обеда сделать пикник, Михаил Петрович. Пригласим судью с семейством, еще кто тут есть у вас более или менее из порядочного общества. (Жмет руки.) До свиданья, Елена Михайловна.

Елена Михайловна. До свиданья, добрый Леонид Александрыч. Благодарю вас. (Хоненев уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 14

Елена Михайловна, Зиновьев.

Елена Михайловна. Что с вами, папаша?

Зиновьев. Так. Немножко будто дурно сделалось, Леночка. Пойду отдохну и совсем пройдет. (Делает шаг, останавливается, обнимает ее.) Леночка ты моя милая! Жалко мне тебя; а чем пособить? — Ох! (Вздыхает. Стоит.) Ну, я пойду отдохну, Леночка. (Идет в кабинет. Елена Михайловна за ним.) Ты куда же, Леночка?

Елена Михайловна. Я боюсь, не болен ли вы. Вы ляжете; я посижу подле вас.

Зиновьев (махая рукою). Нет, не надо, Леночка. Я вздремну; не мешай мне. Лучше позаботься о себе. Ты отворила бы окно, села бы к окну; здесь — (тверже прежнего, спокойнее), здесь воздух-то свежее.

Елена Михайловна. Добрый папаша. (Успокаиваясь за отца, впадает в прежнюю апатию.)

Зиновьев. Да, да, тут воздух-то свежее, Леночка. Сядь тут к окну.

Елена Михайловна. Хорошо, папаша. (Идет к окну. Зиновьев уходит. Она отворяет окно, садится. Сидит, положив локоть на окно, положив голову на руки. Вдруг оживляется, встает, идет к двери передней.)

ЯВЛЕНИЕ 15

Елена Михайловна, Коровасв.

Елена Михайловна (падает на шею Коровасву). Милый мой Сережа, как я рада тебе!

Коровасв (целует ее). Еще бы не была рада! Тогда я и не знаю, как разбуянился бы с тобою. (Ведет ее сесть с нею: ее голова на плече у него). От скольких обедов отказался, душа моя, да от каких отличнейших, торопившись к тебе. (Сажает ее и тут видит, какое убитое лицо у нее.) Да что это ты, душа моя? История, что ли, какая? Или ты больна? Да нет, какое-нибудь огорчение. Что такое? Не случилось ли что с твоим отцом?

Елена Михайловна (закрывая лицо руками). Сережа, Сережа! (Голос прерывается от стоны.) О-о-о... Сережа, Сережа! Пожалей обо мне... (Рыдает.)

Короваев (гладит ее волосы). Душенька моя, Леночка, что это с тобою? (Елена Михайловна прерывает его слова стоном.) Ну, полно же, душа моя, стыдно плакать.

Елена Михайловна. Нет, Сережа; вот (выдергивает из-за корсета письмо, быстро кладет на стул и опять закрывает лицо руками). Боже мой, боже мой! Сережа, Сережа...

Короваев (берет письмо). От Свиридова; что с ним? (Вынимая из конверта и развертывая письмо.) Болен, что ли? Опрокинулся в дороге? (Как взглядывает на строки.) Что за чорт! (Кладет письмо на стол, встает и ходит. Остается, берет письмо, читает фразу за фразой, вдумываясь.) «Елена Михайловна, я искренне любил вас» — гм! — «но обстоятельства, независящие от моей воли» — гм! — «принуждают меня возвратить вам ваше слово» — гм! — «и просить вас освободить меня от слова, данного мною вам. И. Свиридов». — Как ни читай, ничего не вычитаешь, кроме одного: это чорт знает что! — Разорился? Это не важность. И не таким тоном написал бы. Попал в кашу? — Тоже не тот тон. Непонятная вещь, Леночка!

Елена Михайловна (тихо). Нет, Сережа, это именно так, как ты и сам думаешь.

Короваев. Просто-напросто раздумал жениться? Бывает и это, Леночка; мерзавцы на свете не в дикови...

Елена Михайловна (вскрикивает, все с лицом, закрытым руками). Сережа, не брани его. (Рыдает.)

Короваев. Не буду, Леночка. (Целует ее волосы.)

ЯВЛЕНИЕ 16

Те же, Зиновьев.

Зиновьев. Сергей Васильич (Елена Михайловна при голосе отца оттирает слезы и, поцеловав Короваева, старается держать себя бодрее). А уж как мы заждались-то вас. Думаю: когда-то придет Сергей Васильич? Выхожу, а Сергей Васильич уж тут. Ну, слава богу, слава богу. — А с Леночкою-то какое огорчение! Говорила она вам, бедная?

Короваев. Да.

Зиновьев (берет шапку со стола). Вы у нас посидите, Сергей Васильич? Я схожу на часочек.

Елена Михайловна. Папаша, вы идете? Как же можно! С вами было так нехорошо. Нет, я не пушу вас.

Зиновьев. Нельзя, Леночка. Надобность.

Елена Михайловна. Да к чему же вы? Что за надобность?

Зиновьев. С судьбою надобно повидаться. Необходимо. По службе.

Елена Михайловна. Судью можно попросить к нам.

Зиновьев. Нет... Мне надо пройти от него к Леониду Александрычу.

Короваев. Индюк здесь? Прекрасно!

Елена Михайловна. Сережа, не называй его так.

Короваев. А ты все с прежними чувствами к нему, душа моя? Очень рад; и в таком случае пусть он не будет индюк.

Елена Михайловна. Сережа, не надобно смеяться над ним. Он очень добрый. Если бы ты слышал, как мило он... (Зиновьев садится.)

Короваев. Чтоб очень мило, этого не полагаю, душа моя.

Елена Михайловна. Как умел, Сережа, выражал участие; все говорил о том, что мне нужно развлечение. После обеда устраивает пикник. Будет весело (а сама опять уныло опускает голову).

Короваев. Вечером у вас пикник? Превосходно! Будете кутить до ночи? Да тыхвати при случае стаканчик шампанского, душа моя; ей-богу, это полез...

Елена Михайловна. Сережа...

Короваев. Ну, хорошо, душа моя. Но все-таки, ты будешь между людьми. До ночи, я думаю? — Отлично! — А я воспользуюсь тем временем, съезжу, сторгуюсь с управляющим индю... Ну, хорошо, душа моя, не индюка. Теперь заеду к нему — нельзя же, для вида, будто и он что-нибудь значит, — пообедаю с ним: снаряжу тебя на пикник и марш в деревню, к его управляющему! К утру я вернусь. По справкам, думаю, куплю у индю... а, все подвертывается! Извини, душа моя, — куплю у него все, что заказано, — и свободен, пока придется принимать хлеб на пристанях; не буду отходить от тебя, душа моя. И на пристани поедем вместе, и Михаила Петровича возьмем с собою, — служба-то и без вас обойдется. Михаил Петрович, я полагаю, — берем его с собою, Леночка? Так?

Елена Михайловна. Да, Сережа... При тебе я не буду плакать...

Короваев. Это и видно. Даже сама будешь развлекать меня?

Елена Михайловна. Да, Сережа (старается улыбнуться). Но это пройдет, Сережа.

Короваев. А ты думаешь, не пройдет, душа моя? Да еще как пройдет-то! Такой пляс подыдем, что...

Елена Михайловна. Сережа...

Короваев. Ну, хорошо, душа моя, успокойся: никогда не пройдет, век будешь горевать.

Зиновьев (встает). Леночка, ты говоришь, Леонид Александрыч пикник делает? Ну, так я и тогда успею увидеть его. Не пойду.

Елена Михайловна. Да, лучше отдохните, папаша.

Зиновьев. А вы для пикника-то не останетесь, Сергей Васильич?

Короваев. Нет; Леночка будет между людей, — лучше же мне воспользоваться этим временем.

Елена Михайловна. Да, Сережа. Я буду много ходить и устану, и усну.

Короваев. Так, и будешь умна, душа моя. (Зиновьев уходит в кабинет.)

ЯВЛЕНИЕ II

Елена Михайловна, Короваев.

Елена Михайловна (кладет голову на плечо Короваеву). Сережа, как я рада тебе. Только не брани его, мой милый.

Короваев. И не подумал бы огорчаться за тебя, Леночка, будь он человек, от которого можно бы ждать такой... такой... такого поступка... Но от него... Это непонятная вещь, душа моя.

Елена Михайловна. Очень понятная, Сережа. Разве я лучше всех? Он увидел, что ошибся во мне. Мне больно, Сережа; это правда. Но чем же он виноват?

Короваев (качает головой). Леночка, моя милая, — ты не хорошо говоришь.

Елена Михайловна. Нет, Сережа, он не виноват.

Короваев. Нет, Леночка, быть таким легкомыслен...

Елена Михайловна. Не говори, Сережа.

Короваев (молчит). Одно объяснение, Леночка: он юноша. Хоть почти ровесник мне, но вел не такую жизнь. А право, как посмотришь: оно и лучше надурчиться молодому человеку в первую молодость, чтобы в серьезные годы не делать таких поэзий.

Елена Михайловна. Нет, Сережа, не лучше. Ах, Сережа, какой он милый, если бы ты знал...

Короваев. Жили вместе с год; знаю, Леночка. Разумеется, почти такой же милый, как вот ты, например. Чистота сердца, — нет пошлых воспоминаний, — все это прекрасно, не спорю. От того и впечатление совсем не то. Хоть и не понимает отчего, но чувствует скромная девушка, что в таком человеке есть что-то родное ей самой. Все так, и все мило. Но видишь, какие вещи могут выходить из этого. Не выучился владеть своим сердцем.

Елена Михайловна. Да, Сережа: только это. И это хорошо, Сережа. Ты видишь, он не виноват. Не осуждай его, мой милый.

Короваев. И если осуждать, то осуждать мне только разве самого себя, Леночка. Можно бы и не уезжать в Москву. Или можно бы вернуться пораньше — ну, хоть полгодом, — и ничего этого не было бы. Ей-богу, повенчались бы мы с тобой, и не думала бы ты теперь ни о чем; да и мне тебя не было бы жаль.

Елена Михайловна. Нет, Сережа, мы не повенчались бы. Ты и не думал об этом, Сережа.

Короваев. Разумеется, не думал, если уехал от тебя в Москву жить, чорт знает как, и жил так, пока не пришло дозареза. Думать-то я не думал. А все-таки, если бы приехал пораньше, повенчались бы мы с тобой.

Елена Михайловна. Нет, Сережа, не повенчались бы, мой милый. Если бы ты приехал раньше, было бы одно: я раньше вышла бы за кого-нибудь. Подле тебя были бы хорошие молодые люди: мне понравился бы кто-нибудь. *(Живо.)* Нет, Сережа, никто не понравился бы. *(Опять смиренно.)* И при тебе было бы то же. Дождалась бы его. А не дождалась бы, только было бы то, что позже пошла бы в монастырь.

Короваев. То все прекрасно, Леночка: родство душ; пока не встретится, кого должно полюбить, нельзя никого полюбить — пусть это экзальтация; все-таки, тут есть смысл. Но последние твои слова, Леночка, глупость. Что за монастырь? Глупо, глупо, душа моя.

Елена Михайловна. Разумеется, это лишнее. Так сказались как-то. И не думала об этом ни минуты, Сережа. *(Приподнимается от его плеча.)*

Короваев. Ну, что же ты встаешь? Лежи так.

Елена Михайловна. Плечо, я думаю, устало держать, Сережа.

Короваев. Вздумала жалеть мое плечо, потому что стала спокойнее, кажется?

Елена Михайловна *(вздыхает)*. Да, Сережа. Легче на душе. Не с кем было поговорить, мой милый... Знаешь ли, Сережа. Не нанимай себе квартиры; живи у нас. Пожалуйста, мой милый.

Короваев. Хорошо, душа моя, хоть и недолюбливаю твоего отца. Кстати, о нем. Хорош он с тобою?

Елена Михайловна. Когда ж он был дурен для меня, Сережа?

Короваев. Ну и прекрасно, что он хоть отец-то хороший, — каким был и всегда, впрочем.

Елена Михайловна. Ах, Сережа, как выходит и похвала у тебя...

Короваев. Ну, извини, душа моя. Недолюбливаем мы с ним друг друга, а приходится жить вместе. Прежде думал иначе: с тобою вдвоем, может быть, и придется жить, думал, когда ехал сюда, но опоздал, стало быть, это было пропущее.

Елена Михайловна. Не оттого, Сережа, опоздал, а оттого, что мы с тобою слишком привыкли смотреть друг на друга, будто на родных.

Короваев. С моей стороны этой задержки, пожалуй, и не было бы, душа моя, потому что я отчасти и отвык.

Елена Михайловна. Нет, Сережа.

Короваев. Ей-богу, совсем отвык, Леночка.

Елена Михайловна. Ах, ты, мой милый, как ты врешь на себя *(обнимает его)*.

Короваев. Ей-богу, совсем отвык, душа моя *(целует)*.

Елена Михайловна *(смеется)*. Я нарочно за тем и обнялась, чтобы уличить тебя. Разве так поцеловался бы ты с чужою? Ах, Сережа *(голос прерывается)*. Не так легко было... целоваться нам с Илиодором Ни... *(не может договорить от слез)*.

Короваев. Правда-то оно правда, душа моя. А главное, не время говорить с тобою об этом теперь... *(Молчат оба, Короваев взглядывает в сторону окна.)* А кто это к вам? Судейша с дочерьми. Да.

Елена Михайловна. Ах, это они идут условливаться о пикнике.

Короваев. И толкуйте, душа моя *(берет фуражку)*. А я тем временем к индю... ну, хорошо, пусть он не будет индюк, — потом пообедаем с тобою, и ты на пикник, а я — в деревню к его управляющему, — и утром опять с тобою.

Занавес падает.

С Ц Е Н А Т Р Е Т Ъ Я

Через неделю.

Та же комната.

Я В Л Е Н И Е 1

Зиновьев, Хоненев.

Хоненев *(входя, впопыхах)*. Убежал. *(Бросается на стул.)*

Зиновьев. Убежал?

Хоненев. Убежал!

Зиновьев *(опускается на стул и остается убитым. Немножко опомнившись)*. Да как же он убежал?

Хоненев. Выскочил в окно.

Зиновьев *(постепенно оживляясь негодованием)*. Да как же могли упустить?

Хоненев. Ночь-то какая была? На аршин не видно. Как тут поймашь? Искали, искали, так и ушел!

Зиновьев. Да как же он мог выскочить? Было или нет сказано управляющему в верхнем этаже держать? А? Что же это?

Хоненев. Так и держали. Выпрыгнул.

Зиновьев. Да как же дали ему выпрыгнуть? Плохо стерегли. Ваш управляющий виноват. Взыскать с него.

Хоненев (мрачно). Взыскивай, не взыскивай, не воротишь.

Зиновьев. Что же теперь нам делать? (Суетится.) Господи, что нам теперь делать? (Впадает в отчаяние.) Господи, что теперь делать? Парадизова-то нет! Он придумал бы... Господи, что мы теперь будем делать?

Хоненев (медленно встает). Горе, Михаил Петрович... Чувствую теперь, привязался... Чувствую теперь... (Опускается.) Горе...

Зиновьев. Парадизов говорил: «попринудь». — Господи! Не могу.

Хоненев (выпрямляясь). Что вы сказали?

Зиновьев. Парадизов советовал: принуждением, — не могу, Леонид Александрыч, не могу.

Хоненев. Насилием? Нет! Подлость! Хоненевы никогда не делали подлостей! (Гордо встает.) Взять в любовницы насильно — подлость, не могу. (Ходит.) Да, другого средства нет. Как я откажусь от нее? (Ходит.) Нет! А все равно, когда так! Это с Хоненевым бывало. (Махнув рукою.) Зовите ее, Михаил Петрович.

Зиновьев (хлопает глазами, вскакивает). Приказываете звать, Леонид Александрыч. Ее-то? Это Леночку-то?

Хоненев (спокойнее и твердо). Зовите.

Зиновьев (усиливаясь быть благороден). Нет, на это я не согласен, Леонид Александрыч.

Хоненев (презрительно). На что? Дурак! (Спокойнее.) Зовите же ее, говорю вам.

Зиновьев (крестясь и подпрыгивая одним махом на шею к Хоненеву.) Слава тебе, господи. Я так того и ждал, Леонид Александрыч, Леонид Александрыч! Господи, господи! (Кричит.) Леночка!

ЯВЛЕНИЕ 2

Те же, Елена Михайловна.

Елена Михайловна (входит твердою поступью. Рука опущена в карман платья. Делает два шага, останавливается и ждет, что будет).

Хоненев (идет навстречу, но не подходит близко). Елена Михайловна, я прошу вашей руки.

Елена Михайловна. Это все равно, Леонид Александрыч.

Зиновьев (кидается к ней). Леночка...

Елена Михайловна (приподнимая руку из кармана). Не подходите.

Хоненев (перехватывая и отводя рукою назад Зиновьева). У нее кинжал. — Елена Михайловна... Я оскорбил вас... простите... я прошу вашей руки.

Елена Михайловна. Это все равно, Леонид Александрыч. Я вижу теперь, что вы действительно не злой человек. Но это все равно.

Хоненев. Елена Михайловна, позвольте мне подойти к вам. Я хочу поцеловать вашу руку — клянусь, не бойтесь.

Елена Михайловна. После когда-нибудь. Теперь я слишком ненавижу вас. После; когда забуду. (Отцу.) Я могу уйти?

Зиновьев (издали). Леночка...

Хоненев. После. Она сказала: после. (Елена Михайловна уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 3

Зиновьев, Хоненев.

Зиновьев. Что это, господи! С кинжалом! Да зачем же он ей?

Хоненев. Был нужен. (Садится.)

Зиновьев. За зачем же? Хотела убить вас? (Садится.)

Хоненев. Заколоться.

Зиновьев (всплескивая руками). Господи! Да когда же это?

Хоненев (с презрением). То-то; вы хотели перехитрить. (Оба молчат.)

Зиновьев. Как же нам теперь-то быть?

Хоненев. Это пройдет. Вы слышали: она сказала «после»; — это пройдет. Еще не успела нагореваться о женихе. Да и были неделикатности с моей стороны, — через вас, вы меня ввели в ошибку, будто она только так, делает вид для приличия, будто жалеет. Вы это виноват.

Зиновьев. Леонид Александрыч, помилуйте! Я-то чем же?

Хоненев. Молчите! (Молчит и сам.) Вдруг нельзя простить. Но это пройдет. И она сказала: «когда забуду».

Зиновьев. Да, а Короваев-то? — станет расстраивать ее.

Хоненев (берется за лоб). Это правда.

Зиновьев. Время не терпит, Леонид Александрыч.

Хоненев (помолчав). Это правда.

Зиновьев. Взять и везти венчать, Леонид Александрыч.

Хоненев. Венчать насильно? Не согласен. Это подло.

Зиновьев. Как же быть-то, Леонид Александрыч? Если ее увезти, да так держать, этот разбойник...

Хоненев. Да, да.

Зиновьев. Вы говорите, Леонид Александрыч: повенчать без согласия нехорошо. Нет, Леонид Александрыч. Взять в любовницы девушку против ее желания — это нехорошо; а повенчаться — это дело честное. Это значит только оградить ее от злодея.

Хоненев. А кинжал-то? Пусть и не успеет заколоться. Но все же поранит себя. Я и того не могу допустить.

Зиновьев. Две ночи не спала! Уснет. Тогда взять кинжал и везти венчать.

Хоненев. Увезти отсюда — надобно. Венчать насильно — не соглашаюсь.

Зиновьев. Помилуйте, Леонид Александрыч. Как же оградить, не повенчавши? Тогда ограждена; без того...

ЯВЛЕНИЕ 4

Те же, Короваев.

Короваев (*видя Хоненева*). А, и вы здесь, милостивый государь. (*К Зиновьеву*.) Где Леночка?

Зиновьев. Леночка больна.

Хоненев. Елена Михайловна здорова, но вы не можете видеть ее.

Короваев. Почему ж бы это?

Хоненев. Потому что я жених ее и нахожу излишним, чтобы ваша короткость с нею продолжалась.

Короваев. А, это резон. (*Идет к двери во внутренние комнаты.*)

Хоненев (*берет его за плечо*).

Короваев. Как вы больше любите стреляться: получивши оплеуху или без нее? Это зависит от вашего выбора. Во всяком случае, вы будете так мил, что пропустите меня (*стряхивает руку Хоненева и идет*).

Зиновьев. Разбой! Полиция! Караул! (*Хочет бежать.*)

Короваев (*быстро идет назад*). Не беспокойтесь, Михаил Петрович, я ухожу (*отталкивает Зиновьева от двери передней назад и уходит*).

ЯВЛЕНИЕ 5

Зиновьев, Хоненев.

Зиновьев (*стоит миг. Хлопает себя по лбу*). Именно так. Через полицию. Задержать его через полицию. Полиция задержит покрепче вашего управляющего. (*Хватает шапку.*) Я за ним. Куда он? Вы пошлите за полицеймейстером! (*Бежит.*)

Занавес падает.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Та же комната.

Ночь.

На столе свеча, совсем нагоревшая. На диване спит Зиновьев, совершенно одетый, как повалился, пивши чай. Подле, на полу, валяется выпавший у него стакан.

ЯВЛЕНИЕ 1

Короваев.

Короваев (*входит, идет к Зиновьеву, шарит в карманах его, вынимает дверной ключ, уходит во внутренние комнаты. Щелкает дверной замок*). Спишь, Леночка? (*После паузы.*) Успеешь после нарасспрашиваться, как убежал. Да ботинки-то теплые надень (*возвращается на сцену, идет к окну. Всматривается в темноту.*) Алексеич, да где же ты? что слез с облучка? Гуж лопнул. Не свяжешь, надо распрягать. Так уж все одно распрягать ли, новых ли запрягать. Введи во двор. Там оставишь. В кухне найди казачка, разбуди; он тебе все покажет. Тех никого не опасайся: все мертвецки пьяны. Бери Михайло — Петровичевых лошадей — твоих-то мы совсем измучили — запрягай в Михайло Петровичев тарантас, — это спокойнее телеги. Твое не пропадет. Я отвечаю. Завтра мне нечего от них прятаться. — Живо будет, говоришь? Знаю молодца, что будет живо. (*Отходит от окна и ходит, заложив руки в карманы и посвистывая.*)

ЯВЛЕНИЕ 2

Короваев, Елена Михайловна, в шляпе и мантилье.

Елена Михайловна (*входит; как видит лежащего отца, бросается к нему*).

Короваев. Не пугайся, душа моя: проснется жив и здоров. А будить — лишнее. Да и не разбудишь.

Елена Михайловна (*между тем пощупавши лоб и пульс отца*). Да что ж это с ним, Сережа?

Короваев. Опиум, душа моя, разумеется.

Елена Михайловна. Да кто ж это, Сережа?

Короваев. У вас прислуги довольно, душа моя: кучер, и лакей, и кухарка, и прачка, — но не они прислужили, а они сами угощены, и даже горничная, несмотря на свое девичество, не побрезговала, — вот это девица, душа моя, не чета тебе. Казачок один прислуживал всем: им поставил полведра водки, а твоему папаше — деликатнее. В мальчишке будет прок. Да садись, душа моя, успокойся (*отводит ее от Зиновьева*). Там лошадей перепря-

гают, надо подождать минутку. (Елена Михайловна садится.) Да ботинки-то на тебе теплые? Ехать-то далеко, за Канадеи пять верст.

Елена Михайловна. Куда ж это, Сережа?

Короваев. В Сретенское, Леночка.

Елена Михайловна. В Сретенское, Сережа? Что ж это? Венчаться? Там венчают? А я и не думала...

Короваев. Думай, душа моя: время есть. Теперь час, а Хоненев придет за тобою в три часа. Глупы, а рассчитали, что перед рассветом всего вернее: одолеет сон.

Елена Михайловна. Венчаться, Сережа?.. как же это?

Короваев. Так, что невозможно иначе, душа моя. Они подняли полицию ловить меня. Я прятался в кабаке. Посылал к тем, кто почестнее этой сволочи, спрашивать, не дадут ли тебе приют. Все жалеют, разумеется; а никто не смеет. Куда ж я тебя деду? В кабак прятать? И то: не укроешься надолго. Вытащат.

Елена Михайловна. Что ж они хотят делать со мною, Сережа?

Короваев. Повезли бы в Хоненевку — тоже венчаться.

Елена Михайловна. У меня есть кинжал, Сережа.

Короваев. А я и не знал. А то мог бы взять его, или нет? Спала ты, или нет, когда я вошел? (Оба молчат. Короваев идет к окну и смотрит. Подъезжают лошади.) Ну, иди, душа моя.

Елена Михайловна (встает и опять садится). Сережа, как же это венчаться с тобою?

Короваев. Ну, скажи, умная голова, куда мне девать тебя — тогда и не венчайся.

Елена Михайловна. Сережа, ты женишься на мне только для того, чтобы спасти меня.

Короваев. Что ты, мать моя? С ума спятила?

Елена Михайловна. До нынешнего вечера ты и не думал об этом, Сережа.

Короваев. Да разве без этой мысли я поехал бы сюда?

Елена Михайловна. Сережа, ты смотрел на меня, как на сестру.

Короваев. Душа моя, это правда, пожалуй. Но войди ты в мое положение. Вешаешься на шею — поневоле должен забывать, что не сестра. Не я к тебе равнодушен, а ты ко мне. Но это пройдет. Забудешь все эти поэзии и станешь любить меня так же горячо, как я тебя.

Елена Михайловна. Да, Сережа... Это пройдет... Но только я не знаю, как мне итти за тебя.

Короваев. Рассуждай после, как итти за меня; а прежде повенчайся — и тогда отправляйся на все четыре стороны, куда глаза глядят: никто не может привязываться.

Елена Михайловна (смеется). Ну, хорошо. (Встает.)

Короваев. А ты поверила? Так вот и отпущу тебя. Жди!

Елена Михайловна. Я и сама не отойду от тебя, Сережа; так и буду сидеть обнявшись, ей-богу, Сережа (обнимает его; идет к отцу).

Короваев. Лишнее, Леночка. Он не стоит того.

Елена Михайловна (молча целует спящего отца). Иди, Сережа (подает ему руку). Ей-богу, я рада, Сережа.

Короваев. Ну, иди вперед, Леночка (подвигает ее рукою вперед, сам отстает). Садись в тарантас, я сию минуту. Мне пришло в голову: надо же запереть двери.

Елена Михайловна. Ах, да, Сережа: надобно. Ей-богу, Сережа, я рада, и это пройдет и я буду любить тебя, Сережа (целует его и уходит).

Короваев (пока целует и провожает). Благодарю тебя, моя милая Леночка, благодарю тебя. (Проводив за дверь, идет к столу, снимает пальцами нагар со свечи и мажет нос Зиновьеву.) Эх, ты сволочь, сволочь.

Зиновьев (шевелиясь во сне, мычит). Мммм...

Короваев. Ладно, приятель; не проснешься, не пугай. (Вымазав нос ему, смотрит, хорошо ли? Домазывает.) Теперь хорошо. (Уходит.)

Занавес падает.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Через четыре года.

ЛИЦА:

Сергей Васильич Короваев.
Елена Михайловна, его жена.
Максим Кириллыч Горбылев.
Леонид Александрыч Хоненев.
Илиодор Николаич Сеиридов.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Та же комната, но меблированная заново и получше.

ЯВЛЕНИЕ I

Елена Михайловна ведет Короваева к дивану; у Короваева большая кипа бумаг; он кладет ее на стол; жена усаживает его, садится сама и склоняется головою к нему на грудь, обняв его шею одною рукой; между тем говорит.

Елена Михайловна. Нет, Сережа, я не соскучилась о тебе. Вечер играла с Сашею. До десяти часов не хотел спать, гадкий мальчишка. Я даже устала с ним. Потом стала читать и нарочно читала до трех часов, чтобы встать попозднее, когда ты

уже приедешь. Проснулась в одиннадцать часов, а тебя еще нет. Я села к окну ждать тебя; а сама читала. Видишь, вовсе не скучала. Но что же ты, Сережа, воротился так поздно?

Короваев. Всю ночь просидел за работою. Ты знаешь мою слабость к индюку? Приезжаю, он прееет вот над этими бумагами; весь в поту, бедняга. Видишь ли, решился наконец прогнать управляющего и поверяет его отчеты. Разумеется, где же дураку? Просит: «помогите». Я возьми, да и согласись. Думал, кончу к рассвету. Куда! Бросил, когда уже был давно белый день, вспомнил, что ты будешь, пожалуй, беспокоиться. Взял бумаги с собою, кончить здесь. Вот тебе какая история. Угадай, что из нее следует.

Елена Михайловна. Он просил тебя быть управляющим у него — да? — Но ты понимал, что это было бы неприятно мне, и отказался. Так?

Короваев. Так, душа моя; но не в этом история. Что дальше?

Елена Михайловна. Тогда он просил тебя, чтобы ты рекомендовал ему честного человека, да?

Короваев. Само собою; но не в том дело.

Елена Михайловна. А в том, кого ты рекомендовал? Кого же?

Короваев. Никого, душа моя. За кого поручишься из всех здешних? Не в этом загадка. Вижу, ты и вообразить не можешь. Ну, приготовься. Индюк расчувствовался, душа моя, и давай приставать, чтобы я сказал, сердисься ли ты на него; чтоб я выпросил у тебя позволение быть у нас, и брани меня, душа моя! Мое нежное к нему сердце не выдержало. Шутки в сторону: он милый мне человек. Без его глупостей не устроилась бы так скоро наша свадьба. Пожалуйста, Леночка, скажи ему ласковое слово, когда он придет за этими бумагами.

Елена Михайловна. Изволь, Сережа, я всегда буду ласкова с ним.

Короваев. Но тебе неприятно это?

Елена Михайловна. Не особенно, Сережа! Я давно понимаю, мне и не за что было считать его дурным человеком. Он воображал, что девушка расположена к нему, хотел поцеловать ее; у него не могло быть дурных мыслей: окна были открыты, в соседней комнате сидели гости. А увезти меня это не его мысль, Сережа. Я говорила тебе. Он только поддался чужому совету.

Короваев. Так ты даже и не сердисься на него? (Смеется.)

Елена Михайловна (смеется). Если он мил тебе, Сережа, то во сколько же раз благодарна ему должна быть я? (Серьезно.) Ах, Сережа, ты любишь меня горячее, это

правда; но я больше люблю тебя, Сережа, нежели ты меня (*обнимает его и другою рукою*). Ты можешь не думать обо мне и по целым дням, а я, Сережа... я и не знаю...

Короваев (*целует ее в голову*). Вижу, что ты женщина, душа моя, то есть, существо коварное и все только обманываешь меня. Как же это я поверю, будто ты такая хорошая жена, когда ты сама сейчас говорила, что вовсе не соскучилась обо мне?

Елена Михайловна. Это правда, Сережа; я сидела и читала и вовсе не думала о тебе.

Короваев. Обманываешь, душа моя. Проезжая мимо окна, я видел: ты сидишь задумавшись, а не читаешь. Мне показалось, что лицо у тебя грустное.

Елена Михайловна. Нет, Сережа: я не грустила; я только так задумалась. И вот видишь, Сережа, я опять весела. Когда я подле тебя, я всегда весела, Сережа.

Короваев. Если «теперь опять весела», значит, была невесела. Ты не мастерица лгать, душа моя.

Елена Михайловна. Не мастерица, Сережа (*улыбается*). Но ты не спал всю ночь, тебе надобно уснуть.

Короваев. Выспался дорогою, Леночка. О чем же ты грустила? Ты часто грустишь?

Елена Михайловна. Очень редко, Сережа.

Короваев. Да в этот месяц я видел раза три.

Елена Михайловна. Ну, три раза, Сережа, разве это много.

Короваев. Да, это немного; потому что, кроме того, когда мне удавалось подметить, этого никогда и не бывало. Я не думал, что ты будешь так долго грустить по отце — больше двух лет, и все-таки плачешь, должно быть, каждый день. Подними глазки, посмотри на меня, Леночка: ты грустила по отце? (*Елена Михайловна крепче и ниже опускает голову на его грудь, чтобы ему нельзя было заглянуть ей в лицо.*) Мы давно не говорили об этом, Леночка. Я все думал, это пройдет. Но — четыре года, и чем дальше, тем хуже. Скажи мне, что мне делать с тобой?

Елена Михайловна. Не говори, Сережа.

Короваев (*начиная шутить*). Как же не говорить тебе, что ты дурная жена?

Елена Михайловна (*прижимаясь крепче к нему и сквозь слезы*). Я дурная жена, Сережа.

Короваев. Ты плачь больше, душа моя: это очень умно.

Елена Михайловна. Нет, это глупо, Сережа.

Короваев (*серьезно*). И стыдно.

Елена Михайловна. Да, Сережа.

Короваев (*опять шутя*). Неужели стыдно?

Елена Михайловна. Да, Сережа, я помню твои слова: это значит не уважать себя; за пренебрежение надобно платить пренебрежением.

Короваев. Ты соглашалась тогда со мною, что это правда. А теперь, это перестало быть правдою.

Елена Михайловна (опять крепче прижимаясь к нему). Сережа, не мучь меня.

Короваев. Нельзя не мучить тебя, душа моя, когда ты дурная жена. Скажи ты мне, сделай одолжение, отчего ты такая дурная жена: должно быть, ты не любишь меня, что ли?

Елена Михайловна (все прижавшись и сквозь слезы). Не люблю, Сережа.

Короваев. Вот и видно, что ты коварная женщина: хорошо ли обманывать мужа? Зачем ты лжешь? Говори: лжешь или нет?

Елена Михайловна. Лгу, Сережа.

Короваев. Так будто любишь меня?

Елена Михайловна. Люблю, Сережа.

Короваев. Трудно верить, душа моя. Побожись. Ей-богу, любишь?

Елена Михайловна (начиная смеяться сквозь слезы). Ей-богу, люблю, Сережа, только перестань смеяться надо мною.

Короваев. Хорошо. Я не понимаю тебя, душа моя. Повенчались мы с тобою; года полтора ты держала себя очень хорошо. Сначала грустила о своей поэзии, но не больше, чем следует женщине, которая уважает себя. Потом стала и вовсе весела. И чем дальше, тем лучше. Умер твой отец — все переменялось. Плачешь и плачешь. «По отце». Я долго тому и верил. Хоть и поняла ты, что он не стоил любви, но все же отец. Думаю: пусть ее плачет сколько хочет, это хорошая грусть. Но полгода и год все то же, и чем дальше, тем больше. Слишком долго; а, главное, наоборот против естественного хода такого чувства, как печаль по отце: не ослабевает, а растет. Дело ясное: из умной женщины стала моя жена глупой. Знала — за презрение плата презрение и забвение знала — и забыла. Я не понимаю этой перемены. Скажи, душа моя, что это такое? (Елена Михайловна молчит, прижавшись к нему. Долгая пауза.) Говори, душа моя.

Елена Михайловна. Мне нечего сказать тебе, Сережа. (Долгая пауза.)

Короваев. У тебя есть какая-то тайна от меня.

Елена Михайловна (задышающимся голосом и прячась лицом ниже и крепче на грудь ему.) Нет, Сережа. (Долгая пауза.)

Короваев. Ну, душа моя, действительно, ты дурная жена. Но так ты не отделаешься от меня. Изволь-ка, душа моя, смотреть мне прямо в глаза (приподнимает ее со своей груди) — тогда тебе не так легко будет лгать. (Она не сопротивляется тому, что поднимает ее, и смотрит ему прямо в глаза.) Говори же, душа моя.

Елена Михайловна (твердо). Мне нечего говорить, Сережа.

К о р о в а е в. Прошу тебя, скажи мне, какая тайна у тебя на душе?

Е л е н а М и х а й л о в н а. Никакой, Сережа.

К о р о в а е в. Лжешь, душа моя.

Е л е н а М и х а й л о в н а. Нет, Сережа. *(Долгая пауза.)*

К о р о в а е в. Однакоже, упряма ты, душа моя.

Е л е н а М и х а й л о в н а. Нет, Сережа, не упряма, а люблю тебя *(при последних словах с рыданием бросается ему на шею).*

К о р о в а е в. Ты измучена этим разговором, бедная моя Леночка. Продолжать его значило бы слишком расстраивать тебя. Мы поговорим в другой раз.

Е л е н а М и х а й л о в н а. Никогда, Сережа, если ты любишь меня. Ты знаешь, у меня есть характер. Пока я думала, что ты не видишь и не понимаешь, я не делала усилия подавить свою грусть; но я знаю, я потеряла бы твое уважение, если бы это продолжалось. Я должна презирать его и буду, и презираю. Кто не умел ценить мою любовь, тот не достоин, чтобы я помнила о нем. Ты увидишь, как тверда, как всегда весела буду я. Ты снова будешь видеть во мне и ум и гордость. Я не так слаба, чтобы понадобилось возобновить разговор со мною об этом. Если ты возобновишь его, это будет значить, что не уважаешь меня, считаешь меня за бесхарактерную женщину, — нет! — я не подам тебе повода так унижить меня. Я сделаюсь госпожою над своими глупыми воспоминаниями и подавлю, сглажу их. Буду желать одного: чтобы его жена, если она честная женщина, как я слышала, никогда не узнала, как ненадежна его любовь. Сережа, дай мне слово не возобновлять этого разговора.

К о р о в а е в. Разумеется, не возобновлю, если ты не подашь повода.

Е л е н а М и х а й л о в н а. Не сомневайся, мой ми... Ах! *(остается на миг неподвижною от ужаса, увидев Горбылева; вскакивает и бежит к нему).* Максим Кириллыч!

Я В Л Е Н И Е 2

Т е ж е, Г о р ы б л е в, в лохмотьях.

Г о р ы б л е в *(ослабившись)*. Да-с, это я. А вы и не узнали, Елена Михайловна, испугались?

Е л е н а М и х а й л о в н а *(между тем, взяв его за руку, тянет к двери во внутренние комнаты)*. Вы проголодались, я думаю; пойдем в кухню, к Мавре Кондратьевне.

Г о р ы б л е в *(упираясь)*. Я уж был там-с. Она увидела меня, думала: нищий-с, а я говорю: это я, и пошел к ней, и она меня покормила немного-с, поскорее-с, и велела Степану Иванычу с поваром — а у вас и повар-с, вон как отлично-с, — посадить меня в корыто, вымыть и потом опять накормила-с; отлично-с. А обед через полчаса-с, я могу подождать-с, потому что я совсем

наелся-с. А лучше посижу с вами-с. А я как удивился-с, что вы не за Леонидом Александрычем. Как же-с? Тогда вы хотели итти за Леонида Алек...

Елена Михайловна (все стараясь поскорее увести его). Да идите же, Максим Кариллыч.

Короваев (потиравший себе лоб). Леночка, не тревожься, душа моя, Максим Кириллыч, садитесь-ка, да поговорим. (Елена Михайловна колеблется; видит, что нечего делать; пускает руку Горбылева. Он идет, садится. И она. Короваев между тем говорит.) Порасскажите нам, где вы пропадали. Тогда, как просрочили стпуск, а мне случилось ехать в Пензу, судья просил меня справиться о вас. Мне сказали, вы были в богадельне, да куда-то уехали, какая-то помещица взяла вас.

Горбылев. Как же-с, увезла помещица Пырятина-с. Я недолго и пробыл в богадельне-то-с, всего недели две-с; потому что я получил там известность-с. Как же-с, многие приезжали ко мне. За это за самое она и увезла меня-с, потому что ей это очень нужно.

Короваев. Что же такое ей очень нужно? То, чтобы многие приезжали к ней для вас?

Горбылев. Нет-с, она увезла меня не для других-с, а для самой себя.

Короваев. Что ж такое в вас нужно ей для самой себя? Уж не влюбилась ли она в вас?

Горбылев. Нет-с, а чтобы толковать сны, потому что она всегда их видит.

Короваев. А, так вы приобрели известность в Пензе этим.

Горбылев. А то чем же-с? Этим самым-с. И кормила меня эта Пырятина хорошо-с; не в пример лучше богадельни-с. Но только все же против трактирного не сравняется-с. Оттого меня и переманили от нее-с.

Короваев. Опять в трактир? Но зачем же вы там нужен? Приохочивать других к еде, что ли?

Горбылев. Нет-с; там еще нет этой догадки-с, в трактирах-то; видно там народ-то глупый-с. Не в трактир переманили, а в монастырь-с, в Богодуховский-с. Пырятина-то поезжай туда, да и меня возьми-с. А там увидали, что у меня губа-то не дура-с, и говорят: мы станем тебя чем хочешь кормить-с, только оставайся у нас, будто вроде святого-с.

Короваев. Вот как. Так вы святым стали?

Горбылев. Как же-с. Прозорливцем-с. Я и сам не думал, что можно-с. А как помазали меня маслом-с, священным-с, так и вышло-с: стал я будущее предвидеть и тайны всякие постигать — ей-богу-с. О чем кто меня спросит, все могу отвечать-с; и все точно так и выходит, как есть все верно-с. И кормили-с. Отлично-с. Даже лучше трактирного-с.

Короваев. Как же это вы покинули такой рай?

Горбылев. Сам-то и не вышел бы-с, у меня губа-то не дура-с. Да возьми, поссорься игумен с полицией-с; она приехала-с, да и взяла меня; будто беспашпортного-с, да и говорят; бродяга-с. Отправить по этапу-с! И отправили-с! Вот потерпел-то-с!

Короваев. Я думаю. Но вы предвидели будущее; вы бы и предсказали игумену, что придет полиция, он вас бы и спрятал. Вот и выходит, вы сам виноват, Максим Кириллыч. Следовало предсказать.

Горбылев (поражен недоумением. Потом видит, что правда). Точно-с. Следовало предсказать.

Короваев. Впрочем, особенно жалеть не о чем. Когда вы предвидите будущее и можете постичь всякие тайны, то и здесь многие будут кормить вас не хуже монастырского, — я не знаю только, вот Леночка позволит ли вам.

Горбылев. Нет-с, если и Елена Михайловна позволит, я теперь этого не могу-с.

Короваев. Помилуйте, отчего же не мочь?

Горбылев. Не могу-с.

Короваев. Полноте, не поверю.

Горбылев. Ей-богу не могу-с.

Короваев. Отчего же?

Горбылев. Оттого-с, что этого дара лишился-с.

Короваев. Что вы говорите? Потеряли святость?

Горбылев. Потерял-с.

Короваев. Да как же это? Грех, что ли, какой большой сделали?

Горбылев. Нет-с. А потому что это было с масла-с, а теперь оно с меня смыто-с.

Короваев. А, ну это так. А жаль.

Горбылев. Жаль-с.

Короваев. Но как же вы допустили это, чтобы святость смылась?

Горбылев. Я и не допускал-с. Они насильно-с, арестанты-то-с. Они насмешники-с. Взяли, на одном этапе, насильно повели в баню, да и смыли-с.

Короваев. Это они дурно сделали. Но только не напрасно ли мы с вами виним их? Может быть, они повели вас в баню и не для одной насмешки, Максим Кириллыч. Когда вы столько времени не мылись, то, вероятно, вы были такой, что страшно было смотреть на вас.

Елена Михайловна (встает). Какой ты добрый, Сережа.

Короваев. Помилуй, душа моя, какая же тут доброта. А только ты смешна, что перепугалась.

Елена Михайловна (обнимает его). Милый мой,

как ты умел успокоить меня; так беззаботен, будто бы говоришь пустяки; будто и то все пустяки.

Короваев. Да пустяки и есть, Леночка.

Елена Михайловна (*вздыхает*). Дай мне еще немножко оправиться от этого удара, — я приду к тебе сама и все скажу тебе.

Короваев. Пожалуй и расскажи, если есть охота. А то хоть и не рассказывай, — потому что не очень любопытно. Я мог думать прежде: может быть, что-нибудь и важное. А теперь ясно, что пустяки.

Елена Михайловна. Сережа, как я люблю тебя. (*Обнимает его.*)

Короваев. Это новость для меня, душа моя (*целует ее*). Ну, теперь отвяжись от меня, милая девица. Ступай и отдохни и перестань быть смешна.

Елена Михайловна. Добрый мой. Я скоро вернусь и скажу тебе все. Пойдем же, Максим Кириллыч. (*Идет. За нею Горбылев.*)

Хозяйка театра встает в своей ложе и говорит: Messieurs et mesdames, идем пить чай. Вторую половину драмы мы увидим завтра.

Занавес падает.